
АЛИБИ
КОНСЬЕРЖА
19:12
22:43
ЕЛЕНА ГОРСКАЯ

Елена Горская

Алиби консьержа

«Автор»
2026

Горская Е.

Алиби консьержа / Е. Горская — «Автор», 2026

В новом жилом комплексе погибает инженер, обнаруживший поддельные испытания системы дымоудаления. Камеры показывают живое изображение, но не сохраняют архив, а журнал консьержа и четыре свидетеля уверенно указывают на курьера Михаила Зорина. Для начальства дело почти раскрыто.Следователю Аркадию Лосеву до пенсии меньше года. Он и сам поддерживает первое задержание, пока не замечает: люди узнавали не лицо, а куртку с белой полосой, а официальную смену консьержа тайно отработала другая женщина. Чтобы освободить невиновного и установить, кто управлял пустым холлом, Аркадию придётся отозвать собственную подпись, выдержать давление начальника и заново собрать ночь по ключам, лифту, чашке у журнала и нескольким секундам домофонной записи.«Алиби консьержа» — бытовой детектив о цене удобной версии, ненадёжности уверенных свидетелей и профессиональной честности, которая начинается с признания своей ошибки.

© Горская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Последний год 6
Глава 2. Стойка у входа 15
Глава 3. Куртка с белой полосой 23
Глава 4. Дверь без звонка 33
Глава 5. Быстрый отчёт 42
Глава 6. Чай без лимона 49
Глава 7. Подпись в клетке 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Елена Горская
Алиби консьержа

От автора

Удобное алиби часто выглядит убедительно не потому, что его хорошо придумали, а потому, что каждый свидетель добавил к увиденному маленькую догадку. Один запомнил куртку. Другой — рост. Третий услышал имя уже после события. В журнале появилась подпись, и разрозненные впечатления превратились в будто бы установленного человека.

Этот роман — о расследовании, в котором пожилому следователю приходится проверять не только чужие слова, но и собственную готовность закончить последнее сложное дело быстро. Здесь нет всевидящей камеры и безошибочного свидетеля. Есть холл нового дома, журнал дежурств, чужая смена, тёмное стекло и люди, которым есть что терять даже без тяжкого преступления.

Все персонажи и события вымышлены. Главное правило книги проще любой инструкции: если человек видел одежду, предмет или движение, это ещё не значит, что он видел лицо.

Глава 1. Последний год

В шесть сорок две Аркадий Лосев стоял на кухне босиком и смотрел, как вода поднимается в стеклянном чайнике. Чайник был новый, подарок Маши на день рождения, и светился синим, будто внутри него собирались кипятить не воду, а зимнее небо. Старый чайник свистел. Этот молчал до последнего, потом щёлкал и гас.

Аркадий не любил вещи, которые не предупреждали о конце.

На дверце холодильника под магнитом из Великого Устюга висел календарь. Одиннадцать месяцев до пенсии он не отмечал крестиками — это было бы похоже на срок. Просто каждое первое число переворачивал страницу и замечал, что бумага стала тоньше. Октябрьский лист держался на одном углу, хотя до ноября оставалось четыре дня.

Телефон завибрировал на столе раньше, чем он успел насыпать заварку.

— Лосев.

— Аркадий Петрович, доброе утро, — сказал дежурный. Голос был виноватый, словно звонил не по службе, а просил одолжить денег. — В «Речном парке» тело. Мужчина, сорок с чем-то. Новостройка на Литейной набережной, третий корпус. Наряд уже там. Начальник сказал вам передать.

— Скорую вызывали?

— Вызывали. Врач констатировал. Признаки насильственной… В общем, лучше самим. Квартира пустая, без отделки.

— Кто нашёл?

— Консьерж вызвала управляющего, управляющий поднялся с рабочим. Там дальше путаница.

Путаница была обычным состоянием первых десяти минут любого дела. Необычным было то, как быстро люди начинали называть её ясностью.

Аркадий посмотрел на чайник. Синий свет уже погас. На стуле висели выглаженные брюки, на спинке второго — рубашка и галстук. Всё было приготовлено с вечера, как делала его жена, когда была жива. За пять лет он не научился готовиться иначе и не пытался.

— Адрес сообщением, — сказал он. — И Грачёву передайте: еду.

— Он знает. Он и распорядился.

Аркадий положил трубку. Чай заваривать не стал. Взял с полки банку растворимого кофе, высыпал ложку в кружку и залил водой. Кофе оказался слишком горячим и слишком горьким. Именно таким он и требовался.

На лестничной площадке пахло жареным луком. Соседка из сорок седьмой квартиры придержала дверь и спросила, опять ли на работу. Аркадий ответил, что люди редко выбирают удобное время, чтобы умереть. Соседка решила, что это шутка, и засмеялась. Он не стал её разубеждать.

До «Речного парка» было двадцать минут без пробок и сорок пять с пробками. Аркадий потратил тридцать восемь. Дождь начался у моста — мелкий, косой, не успевающий упасть на стекло прежде, чем дворники смахивали его в сторону. Город за лобовым стеклом казался плохо проявленной фотографией.

Жилой комплекс вырос на месте старой автобазы. На рекламном щите у въезда золотыми буквами было написано: «Жизнь у воды начинается здесь». Воды из машины Аркадий не увидел. Увидел три высотных корпуса, два шлагбаума, строительный забор и очередь фургонов у разгрузочной площадки. Между свежими клёнами ветер гонял куски защитной плёнки.

Третий корпус светился всеми этажами, хотя заселена была едва половина квартир. В огромном стеклянном холле стояли горшки с пальмами, слишком зелёными для октября, и диван цвета мокрого песка. Над стойкой консьержа висели четыре монитора. На каждом дви-

гались люди: женщина с собакой у первого подъезда, грузчик в лифте, мокрый двор и сам Аркадий, открывающий дверь.

За стойкой сидела пожилая женщина в сиреневой кофте. Руки она держала на коленях и при каждом звуке лифта вздрагивала. Возле неё лежал раскрытый журнал в синей обложке. Молодой полицейский стоял так близко, будто охранял не женщину, а журнал.

— Следователь Лосев, — представился Аркадий. — Где квартира?

— Девятьсот шестнадцатая, — сказал полицейский. — Девятый этаж. Эксперт и оперативник поднялись. Старший наряда у лифта.

Женщина подняла глаза.

— Я ведь ничего не трогала.

— Хорошо, что не трогали. Как вас зовут?

— Тамара Ивановна Климова.

— Кто сейчас останется со стойкой?

Она не поняла вопроса. Полицейский ответил за неё:

— Управляющий обещал прислать сменщика.

— Не выпускайте журнал из виду. И никому не давайте в нём писать.

Аркадий посмотрел на мониторы. Изображение было резким. На одном можно было прочитать номер машины во дворе, на другом различить мокрые следы на плитке.

— Запись уже изъяли?

Полицейский переступил с ноги на ногу.

— Управляющий говорит, с этим есть сложность.

— Сложность — это когда файл долго копируется. Когда файла нет, это называется иначе.

— Он наверху. Сам объяснит.

У лифта Аркадия ждал капитан Савельев из уголовного розыска. На нём была короткая кожаная куртка, на плечах темнели дождевые капли. Они работали вместе достаточно давно, чтобы не тратить время на рукопожатия.

— Погибший Андрей Викторович Снегирёв, сорок шесть, — сказал Савельев, когда двери закрылись. — Инженер по приёмке. Приезжал сюда по работе. Документы при нём, телефон тоже. Бумажник не взяли. Предварительно удар по голове, но эксперт ещё смотрит. Нашли около шести.

— Кто нашёл?

— Сначала консьерж услышала, что на девятом пищит открытая дверь. Позвонила Павлу Ракитину, начальнику эксплуатации. Он поднялся с техником. Дверь девятьсот шестнадцатой была приоткрыта. Внутри Снегирёв.

— Почему консьерж звонит начальнику эксплуатации из-за двери?

— Потому что квартира принадлежит застройщику и ключи у эксплуатации. Так говорит Ракитин.

— Когда погибшего видели последним?

— Пока выясняем. Вчера вечером заходил в корпус. Есть запись в журнале.

— А камеры?

Савельев усмехнулся без радости.

— Камеры показывают настоящее. Прошлого у них нет.

Лифт остановился на девятом этаже. В коридоре пахло бетоном, новой проводкой и чем-то сладким, химическим. Половина дверей была закрыта картоном. Из-за одной доносился визг дрели, хотя двое полицейских просили рабочих прекратить шум. На полу тянулись следы грязных подошв. Между квартирами лежали мешки с сухой смесью, рулоны обоев и разобранный шкаф.

Квартира девятьсот шестнадцать отличалась от соседних только открытой дверью и красно-белой лентой. Внутри не было мебели. Серый пол, белёные стены, голые патроны под потолком. У дальней стены, возле окна, лежал мужчина в тёмном пальто.

Аркадий остановился у порога.

Первый взгляд всегда был самым опасным. Он давал цельную картину раньше, чем человек успевал понять, из каких кусочков её собрал. Мужчина лежит у окна — значит, подошёл посмотреть вниз. Разбитый затылок — значит, ударили сзади. Открытая дверь — значит, убийца торопился. Каждое «значит» хотелось вписать в дело до того, как появились вопросы.

— Кто входил? — спросил Аркадий.

Эксперт Галина Рудина, сидевшая на корточках у тела, перечислила: Ракитин, техник, врач скорой, два фельдшера, наряд, она и Савельев. Потом добавила:

— И, вероятно, кто-то до них. Но это уже твоя часть работы.

— Следы обуви?

— Праздник следов обуви. Дом заселяется, на этаже ремонт в четырёх квартирах. Вчера вечером рабочие таскали смеси. У окна чище, там посмотрим. Ничего пока не обещаю.

Аркадий надел бахилы и перчатки. Снегирёв лежал на правом боку, одна рука была прижата к груди, другая вытянута ладонью вверх. На безымянном пальце светлая полоска от снятого кольца, но самого кольца не было. В кармане пальто угадывался прямоугольник телефона. Возле головы темнело небольшое пятно, уже подсохшее. На стене крови не было.

— Его передвигали?

— Ракитин говорит, потрогал шею. Техник говорит, не прикасался. Фельдшер перевернул голову, чтобы проверить повреждение. Но тело целиком, похоже, не двигали. Смерть наступила несколько часов назад. Точнее после вскрытия.

На полу в двух шагах от тела лежал прозрачный пластиковый уголок от папки. Аркадий указал на него.

— Видела.

— Папка была?

— При теле нет.

Савельев, стоявший у входа, заглянул в блокнот.

— Ракитин говорит, Снегирёв обычно ходил с серой папкой. Техник тоже помнит.

— Обычно — это не вчера, — сказал Аркадий. — Пусть каждый скажет, что видел вчера.

Он медленно обошёл помещение. В кухонной части из стены торчали трубы с красными заглушками. На подоконнике лежала мёртвая муха. Окно было закрыто, ручка опущена. На стекле проступали следы пальцев и широкий мазок, будто кто-то опирался ладонью. За окном открывался двор-колодец: детская площадка, навес парковки, одинаковые балконы. Река скрывалась за соседним корпусом.

— Красивый вид, — сказал Савельев.

— Реклама обещала воду.

— С крыши, наверное, видно.

Аркадий присел у тела, не касаясь одежды. Ворот пальто был мокрым только снаружи. На левом рукаве — тонкая белая пыль. Под ногтями ничего заметного. Рядом с ботинком лежала чёрная пластиковая кнопка, похожая на ту, что ставят на дешёвые куртки.

— Это его?

Рудина посмотрела.

— У пальто пуговицы пришивные. На брюках молния. Упакуем отдельно.

— Время звонка консьержа?

— Пять пятьдесят восемь, — ответил Савельев. — Ракитину. В полицию позвонили в шесть двенадцать, уже отсюда.

— Четырнадцать минут.

— Он говорит, ждал техника с ключами.

— Дверь была открыта.

— Говорит, не знал, открыта ли именно эта. На панели консьержа высветился этаж, не квартира.

Аркадий посмотрел на входную дверь. Снаружи на ней не было ни номера, ни звонка — только маленькая бумажная наклейка «916» возле петли. Замок стоял временный, строительный. Дверь при закрывании не защёлкивалась сама: её нужно было прижать и повернуть ключ.

— Кто мог знать, что квартира не заселена?

— Полдома, — сказал Савельев. — Рабочие, управляющая компания, риелторы, жильцы этажа. Вчера здесь ещё показывали квартиру покупателям.

— Тогда начнём не с тех, кто мог войти. Начнём с тех, кто знал, зачем сюда пришёл Снегирёв.

У двери появился мужчина в тёмно-синем костюме без галстука. Его волосы были мокрыми, но на плечах пальто не осталось ни капли, будто он приехал на машине прямо в подземный гараж. Полицейский попытался задержать его за лентой.

— Павел Сергеевич Ракитин, — представился мужчина. — Руководитель службы эксплуатации. Мне сказали, следователь прибыл.

— Кто вам сказал?

Ракитин на мгновение замер.

— Сотрудник внизу. Я был в диспетчерской.

— Подождите в коридоре. С вами поговорим отдельно.

— Конечно. Я только хотел предупредить: жильцы начинают выходить, у нас здесь дети. Может быть, тело…

— Тело останется, пока эксперт не закончит.

— Я понимаю. Просто репутация дома…

— У погибшего тоже была репутация. И имя. Подождите.

Ракитин кивнул, но ушёл не сразу. Его взгляд скользнул к окну, потом к вытянутой руке Снегирёва и только после этого — к пятну на полу. Аркадий не стал придавать порядку взглядов значение. Люди не обязаны смотреть на смерть правильно.

В коридоре уже собралось человек десять. Женщина в халате держала на руках белого шпица. Мальчик лет двенадцати снимал происходящее на телефон, пока мать не заметила и не опустила ему руку. Двое отделочников курили у лестницы, прикрывая сигареты ладонями. Из квартиры напротив выглядывал высокий мужчина в спортивных штанах.

Аркадий поручил Савельеву записать всех, кто находился на этаже утром, и спустился вместе с Ракитиным в пустую квартиру на восьмом. Там стояли только два складных стула и ведро с засохшим валиком.

— Когда вы последний раз видели Андрея Викторовича живым? — спросил Аркадий.

— Вчера около семи вечера. В диспетчерской. Он пришёл без предупреждения, потребовал журналы испытаний.

— Каких испытаний?

— Обычных. Системы дома перед вводом и в ходе эксплуатации. Дымоудаление, подпор воздуха, пожарная автоматика. Он инженер приёмки со стороны технического заказчика. Был. Простите.

— Вы дали журналы?

— Всё, что имелось. Он всегда находил повод сделать замечание.

— Вчера нашёл?

Ракитин провёл ладонью по колену, разглаживая ткань.

— Сказал, что цифры не сходятся. Это профессиональный спор. Здесь половина оборудования ещё на наладке, а он требовал показатели, будто дом работает десять лет.

— Куда он пошёл после диспетчерской?

— Не знаю. Сказал, проверит несколько клапанов. Я уехал примерно в половине восьмого.

— Один?

— Да.

— Во сколько вернулись?

— В шесть пять. Тамара Ивановна позвонила в пять пятьдесят восемь. Я живу в соседнем корпусе, спустился в гараж и поднялся сюда.

— Вы ждали техника с ключом четырнадцать минут.

— Не четырнадцать. Минут пять, может быть. Доехать, подняться… Вы сами видели территорию.

— Дверь оказалась открыта.

— Приоткрыта. Но я не мог этого знать. На пульте высветилось, что открыта дверь на этаже. Там новая система, бывают ложные сигналы.

— Какая именно дверь сообщает на стойку?

— Служебный датчик. Я уточню схему.

— Уточните сейчас. И назовите техника.

— Антон Шмелёв.

— Кто первым вошёл?

— Я. Антон был за мной.

— К чему вы прикасались?

— К двери. Потом увидел Андрея, подошёл, проверил пульс. Больше ни к чему.

— Папка при нём была?

— Вчера — да. Серая пластиковая, на молнии.

— Сегодня утром?

Ракитин нахмурился.

— Кажется, нет. Я не искал папку. Там лежал человек.

— Вчера вы видели, как он вошёл в корпус?

— Нет, но консьерж видела. Все проходят мимо стойки.

— Какая консьерж?

— Тамара Ивановна. Кто же ещё?

Аркадий записал ответ дословно. Ракитин наклонился, пытаясь прочитать перевёрнутую строку, и тут же откинулся назад.

— Камеры, — сказал Аркадий. — Почему нет архива?

— Пусконаладка. Подрядчик задержал серверный блок. Живое изображение есть, запись должна заработать на следующей неделе.

— Жильцы об этом знают?

— В договоре управляющей компании указано видеонаблюдение. Оно есть.

— Наблюдение есть. Памяти нет.

— Технически это временная ситуация.

— Для Снегирёва она постоянная.

Ракитин сжал губы.

— Вы считаете, его смерть связана с работой?

— Я пока считаю, что он умер в квартире дома, который вы обслуживаете. Остальное проверю.

Внизу у стойки стало тесно. Пришёл сменщик консьержа, приехал представитель застройщика, жильцы спорили, можно ли пользоваться лифтом. Тамара Климова всё так же сидела, сложив руки на коленях. На столе перед ней стояла чашка с тонким золотым ободком.

Чай в чашке был почти чёрным. Рядом лежала половинка лимона в блюдце, нетронутая и подсохшая.

Аркадий попросил всех отойти и сел напротив Тамары.

— Вы дежурили всю ночь?

— Да. С восьми вечера до восьми утра. Только вот теперь, видно, задержусь.

— Вчера до восьми кто был?

— Нина Павловна. Она ушла без десяти. Я пришла пораньше.

— Снегирёва видели?

Тамара посмотрела на журнал.

— Инженера? Да, ходил. Он часто ходил. Строгий такой, всегда торопится.

— Когда вошёл вчера?

— До моей смены, наверное. В журнале должно быть.

— Вы его видели своими глазами?

Женщина потёрла большой палец указательным, будто стирала невидимую крошку.

— Вечером видела, как он к лифту шёл. Или это позавчера было. Они все в тёмном ходят. Но Андрей Викторович здоровался всегда.

— Сегодня утром как узнали об открытой двери?

— Запищало. Вот здесь красная лампочка была, и девятый этаж показало. Я Павлу Сергеевичу позвонила.

— Почему ему, а не охране?

— Так велено. Охраны ночью нет, один обходчик на три корпуса. Павел Сергеевич сказал ждать и никого не пускать.

— Пока ждали, кто-нибудь выходил из корпуса?

— В пять утра? Нет. Потом женщина с собакой пошла, в шесть примерно. Рабочие пришли без четверти шесть, я их записала.

Аркадий повернул журнал к себе. Страницы были разлинованы от руки. В одной колонке время, в другой фамилия, дальше номер квартиры и цель визита. Записи делались разными ручками, иногда гостями, иногда консьержем. Между строками теснились стрелки и исправления.

Вчерашняя страница начиналась с фамилии Снегирёва. Время — 18:37. Затем шли доставщики, мастер по окнам, женщина к квартире 1204. В 22:14 был записан «Зорин М.» с пометкой «курьер, ожидание у стойки». Рядом стояла подпись, похожая на острый крючок.

— Кто такой Зорин?

— Курьер. Он долго сидел здесь. Дождь был. Ждал, когда ему ответят из квартиры.

— Вы его знали раньше?

— Конечно. Он продукты возит, иногда посылки. Михаил. В чёрной куртке с белой полосой. Высокий.

— Лицо помните?

Тамара ответила не сразу.

— А что лицо? Молодой. Тёмные волосы.

— Он всё время сидел у стойки?

— Почти. Выходил покурить, возвращался. До половины двенадцатого точно был.

— Кто это подтвердит?

— Жильцы ходили. Девушка с восьмого просила вызвать сантехника, мужчина из четыреста второй ругался из-за парковки. Они его видели.

Аркадий положил ладонь рядом с журналом, не касаясь страницы.

— Эту запись сделали вы?

— Кто же ещё?

— А подпись его?

— Наверное. Они сами расписываются, если я успеваю дать ручку.

На стойке лежали три ручки: синяя с рекламой оконной фирмы, чёрная без колпачка и красная. Запись «Зорин М.» была сделана синим. Время рядом — чёрным.

— Журнал изымем, — сказал Аркадий. — Вам дадут новый лист для текущих посетителей. До опроса ни с кем не обсуждайте, кто приходил ночью.

— Так я же всё сказала.

— Именно поэтому. Чтобы завтра вы помнили своё, а не то, что добавят другие.

Она обиделась и отвернулась к мониторам. На одном из них Аркадий увидел себя со спины: седая голова, сутулые плечи, старое пальто. Камера смотрела сверху и делала его меньше, чем он привык считать.

Телефон снова завибрировал. Грачёв.

— Ну что там? — спросил начальник без приветствия.

— Мужчина, сорок шесть. Предварительно насильственная смерть. Инженер приёмки. Пропала рабочая папка. Архива камер нет.

— Подозреваемые?

— Пока есть люди, которых нужно опросить.

— Это я понял. Кто последний его видел?

Аркадий посмотрел на строку в журнале. Между записью Снегирёва и записью курьера было ещё девять фамилий. Бумага уже предлагала порядок, которого в жизни могло не быть.

— Выясняем.

— Не растягивай. Дом новый, застройщик городской, к вечеру журналисты набегут. Мне к двум нужен внятный доклад.

— Внятный будет. Быстрый не обещаю.

— Аркадий Петрович, у тебя последний год, а привычки как в первый. Возьми Савельева и дай направление до обеда. Убийство из-за работы, бытовое, ограбление — что угодно, но не пустой лист.

— Пустой лист иногда честнее заполненного.

— Эту фразу оставь для пенсии.

Грачёв отключился.

Аркадий ещё несколько секунд держал телефон у уха. Тамара Климова смотрела на него, уже не скрывая любопытства.

— Начальство? — спросила она.

— У всех есть начальство.

— У пенсионеров нет.

— Значит, мне осталось одиннадцать месяцев.

Он попросил полицейского упаковать журнал и составить опись, затем вышел под навес. Дождь усилился. У края тротуара стояла молодая женщина в жёлтом плаще. Она не пряталась от воды и смотрела на окна девятого этажа. В руке у неё был телефон, но экран погас.

— Вы из полиции? — спросила она, когда Аркадий подошёл.

— Следователь Лосев. А вы?

— Лида Снегирёва. Мне позвонил Павел Ракитин. Сказал, отец умер.

Голос у неё был ровный. Аркадий знал этот голос: человек уже услышал главное, но ещё не разрешил словам стать правдой.

— Мне жаль. Вы можете присесть внутри?

— Нет. Там все смотрят.

Она подняла голову. Дождь стекал по капюшону на щёки.

— Это несчастный случай?

— Пока мы не установили.

— Павел сказал, папа упал.

— Павел Сергеевич не врач и не следователь.

— Он сказал, что вы уже знаете.

Аркадий отметил это про себя.

— Ваш отец говорил, зачем приехал сюда вчера?

Лида сжала телефон.

— Он собирал документы. Сказал: если сегодня не подпишу, завтра подпишут за меня. Я спросила, что именно. Он ответил, что не по телефону.

— Когда вы разговаривали?

— Вчера в восемь двадцать три. Я могу показать вызов.

— Он был один?

— Слышала объявления лифта. И чей-то голос рядом. Мужской.

— Что сказал голос?

— Не разобрала. Папа ответил: «Я сначала посмотрю сам». Потом сказал мне, что перезвонит.

— Перезвонил?

Она покачала головой.

— У него была серая папка?

— Да. Он третий день с ней ходил. Дома её нет.

— Что внутри?

— Копии актов, фотографии, распечатки. Он говорил, что в этом доме проверяли систему на бумаге. Я не инженер. Знаю только, что при пожаре из коридоров должен уходить дым, а двери должны открываться не так, как обычно. Он заставил меня повторить.

— Зачем?

— Сказал, чтобы хоть кто-то понимал, из-за чего он со всеми ругается.

На стеклянных дверях холла отражались полицейская машина, жёлтый плащ Лиды и красные фонари проезжавших автомобилей. За отражением двигались жильцы. Камеры над входом спокойно следили за ними и ничего не запоминали.

— У отца были враги? — спросил Аркадий.

Лида посмотрела на него так, будто вопрос был слишком маленьким.

— У него были люди, которым он мешал подписывать то, чего не видел. Если вы называете это врагами — были.

— Имена?

— Ракитин. Представитель подрядчика, фамилия Шаров. Кто-то из технического заказчика. Он не всё рассказывал.

— Мы проверим.

— Быстро?

Аркадий хотел ответить привычное: настолько быстро, насколько возможно. Эта фраза ничего не обещала и потому годилась почти всегда. Но за стеклом полицейский уже переворачивал страницу журнала, и чёрное время рядом с синей фамилией выглядело слишком аккуратно.

— Тщательно, — сказал он. — Быстро вам уже пообещал другой человек.

Лида кивнула, словно услышала не утешение, а условие договора.

Аркадий вернулся в холл. Савельев спустился с девятого и сообщил, что эксперты заканчивают первичный осмотр. На телефоне погибшего есть несколько пропущенных звонков, но доступ закрыт. Техник Шмелёв ждёт в подсобке. Рабочих записали. Ракитин кому-то звонил и просил подготовить журналы испытаний.

— С чего начинаем? — спросил Савельев.

Аркадий посмотрел на мониторы, на пустую стойку, на упакованный журнал и на Тамару Климову, которая теперь пила остывший чай маленькими глотками. Всё уже складывалось в

удобный ряд: инженер спорил из-за документов, остался в доме, ночью рядом сидел знакомый курьер, утром папки не стало. Можно было выбрать самый яркий кусок и назвать его направлением.

— С того, что никто здесь не видел того, что, как ему кажется, он видел, — сказал Аркадий. — Отдельно опросим каждого жильца, который запомнил курьера. Не показывать фотографии и не называть фамилию. Пусть опишут человека, одежду и время своими словами. Потом найдём самого Зорина.

— Думаешь, он причастен?

— Думаю, его уже вписали в историю. Это не одно и то же.

— А Ракитин?

— Изъять журналы испытаний раньше, чем они станут аккуратнее. И установить, откуда он позвонил Тамаре после её звонка. Он говорит, был дома. Проверим гараж, домофон, телефон.

Савельев записал и спросил:

— Берёшь дело?

Вопрос был не формальным. Грачёв мог отдать материал молодому следователю, а Аркадия оставить руководить первыми действиями. Так было бы разумно. За одиннадцать месяцев сложное дело могло не дойти до суда. Передача другому означала повторные допросы, потерянные оттенки, чужую ответственность. Если расследование затянется, пенсию придётся отложить или уходить, оставив папки тому, кто впервые увидит людей на бумаге.

Аркадий вспомнил синий чайник, который не предупреждал о конце. Вспомнил голос Грачёва: последний год. Слова начальника должны были напомнить о бережливости. Вместо этого они прозвучали как разрешение однажды сделать меньше, чем требовалось.

Он взял у полицейского опись журнала и проверил номера страниц.

— Беру.

— Грачёв обрадуется.

— Его радость не входит в предмет доказывания.

Савельев хмыкнул и пошёл к выходу звонить группе. Аркадий остался у стойки. На мониторе женщина в жёлтом плаще всё ещё стояла под дождём. На другом экране техник в рабочей куртке вёл экспертов к служебному лифту. Третий показывал пустой коридор девятого этажа. Четвёртый — самого Аркадия, склонившегося над чужой ночной сменой.

Он открыл чистую страницу блокнота и написал сверху: «Что установлено».

Под заголовком поставил одну точку и долго не продолжал.

Потом вывел: «Снегирёв найден мёртвым».

Всё остальное предстояло заслужить.

Глава 2. Стойка у входа

К девяти утра холл перестал быть местом происшествия и стал местом общего собрания.

Жильцы выходили из лифтов, замедляли шаг у красно-белой ленты и спрашивали, можно ли вести детей в школу через другой подъезд. Те, кому уже объяснили, пересказывали объяснение вновь прибывшим. За двадцать минут мужчина из незаселённой квартиры успел упасть с лестницы, умереть от сердца, подраться с грабителем и оказаться владельцем строительной компании. Каждая версия начиналась одинаково: «Мне сказали точно».

Аркадий занял маленькую комнату за стойкой консьержа. Там хранились запасные лампы, бутылки с водой, упаковки туалетной бумаги и искусственная ёлка в длинной коробке. Савельев принёс два стула из комнаты управляющего. Один шатался. Аркадий сел на него сам, чтобы свидетели не принимали неудобство за способ давления.

— По одному, — повторил он полицейскому у двери. — И попросите остальных не обсуждать ночь. Телефоны не отбирать, но предупредить.

— Они уже обсуждают.

— Тогда попросите хотя бы не помогать друг другу вспоминать.

Первой вошла Светлана Мещерякова из квартиры восемьсот двадцать семь. Ей было тридцать четыре, она работала удалённо в службе доставки лекарств и ночью спускалась жаловаться на холодную батарею. Светлана села на край стула, положила телефон экраном вниз и сразу сказала:

— Я видела этого Зорина.

— Я пока не называл фамилию.

— Там в чате написали. Консьерж сказала, что он сидел ночью.

— Давайте уберём чат. Представьте, что вы ещё не знаете, как зовут человека. Что вы увидели?

Светлана раздражённо выдохнула. Ей предлагали отказаться от полезного знания, уже принятого за своё.

— Мужчину у стойки. Высокого. В чёрной куртке.

— Лицо?

— Обычное мужское лицо.

— Волосы?

— Тёмные.

— Длина?

— Короткие. Наверное.

— Борода, усы, очки?

— Не помню.

— Он сидел или стоял?

— Сидел вон на диване. Нет, сначала у стойки стоял, потом сел.

— Вы с ним говорили?

— Нет. Я разговаривала с Тамарой Ивановной.

— О чём?

— Батарея в спальне едва тёплая. Она записала заявку.

— Тамара Ивановна была в сиреневой кофте?

Светлана посмотрела на него внимательнее.

— Кажется, в тёмной. А какое это имеет значение?

— Пока никакого. Что делал мужчина, когда вы уходили?

— Смотрел в телефон.

— Вы видели экран?

— Нет.

— Руки?

— Одну. Он держал телефон.

— Во сколько это было?

— Около одиннадцати.

— Можно посмотреть ваш телефон?

Светлана показала переписку с мужем. В 22:46 она написала: «Спущусь, тут дубак». В 22:53 отправила фотографию термометра на стойке управляющей компании. На снимке виднелась часть холла: золотистый край чашки, локоть человека в чёрной куртке и белая полоса на рукаве. Лица не было.

— Это он, — сказала Светлана.

— Это чья-то рука.

— Ну да, его.

— Откуда вы знаете?

Она открыла рот, потом посмотрела на фотографию ещё раз.

— Потому что он там сидел.

Аркадий попросил переслать снимок на служебный адрес и не подписывать имя человека. Светлана согласилась, но уходя спросила:

— А курьер всё-таки он?

— Я как раз это выясняю.

Вторым пришёл Юрий Черных из четыреста второй. Он вошёл с готовностью человека, которому давно не давали высказаться полностью. Вчера в 23:18 он вернулся из командировки, не смог заехать в подземный гараж из-за чужой машины и десять минут объяснял консьержу, почему пропускная система устроена неправильно.

— Парня видел отлично, — заявил Юрий. — Сидел развалившись, ноги выставил. Курьеры теперь хозяева жизни.

— Опишите.

— Лет тридцать, высокий, наглый.

— Как выглядит наглость?

— Не уступил место пожилой женщине.

— Какая женщина была рядом?

— Консьерж. Она стояла.

— Консьерж работала за стойкой. Зачем ей садиться на гостевой диван?

Юрий нахмурился.

— Может, не ей. Но ноги он выставил.

— Лицо видели?

— В профиль.

— Особые приметы?

— Нос прямой. Волосы… Под капюшоном были.

— Капюшон был надет?

— На голове нет, сзади. Я не рассматривал.

— Белую полосу на куртке помните?

— Конечно.

Аркадий сделал паузу.

— Я впервые упомянул её сейчас.

Юрий пожал плечами.

— Значит, вспомнил, когда вы сказали. Она там точно была.

Он показал электронный чек парковки. Шлагбаум открылся в 23:16, а не в 23:18. По словам Юрия, путь от въезда до стойки занимал две минуты. В 23:22 он уже звонил в диспетчер-

скую. Мужчина в куртке мог находиться в холле не дольше этих шести минут — всё остальное Юрий провёл у лифта, отвернувшись к монитору домофона.

— Он уходил при вас? — спросил Аркадий.

— Нет.

— Значит, вы можете подтвердить, что с 23:18 до 23:22 человек был у стойки.

— Я подтверждаю, что он сидел там всю ночь.

— Всю ночь вы его не видели.

— Но консьерж видела.

— Мы записываем ваше, Юрий Антонович.

Когда он ушёл, Савельев поставил на коробку с ёлкой два бумажных стакана.

— Кофе. Не спрашивай, из чего.

Аркадий попробовал. Напиток пах картоном и ванилью.

— Из автомата на парковке, — сказал он.

— Я же просил не спрашивать.

Савельев сел у стены и перелистал свои записи.

— Тамара говорит, Зорин оставался до половины двенадцатого. Светлана видела рукав в 22:53. Черных — человека до 23:22. Пока сходится.

— Сходится одежда.

— Ты уже решил, что это не Зорин?

— Нет. Я решил, что свидетели не рассмотрели лицо. Это разные решения.

— Самого нашли. Телефон отвечает. Он говорит, после десяти был здесь, потом поехал на заказ. Готов приехать к одиннадцати.

— Не показывай его никому в холле.

— Проведём через гараж.

Аркадий кивнул на стакан.

— Камеры?

— Серверная на минус втором. Железный шкаф, кабели, всё моргает. Накопителей нет. Подрядчик обещал поставить три недели назад. Ракитин подписал акт готовности системы с оговоркой в приложении, которого в папке нет.

— Кто платит за видеонаблюдение?

— Жильцы. В квитанции отдельной строки нет, входит в содержание дома.

— Изображение с камер куда ещё уходит?

— На стойку и в диспетчерскую. Удалённый доступ у Ракитина и подрядчика, но только живой. Специалиста вызвали.

— Пусть проверит, нет ли временного буфера. Иногда система держит последние секунды для передачи.

— Проверит.

Следующей вошла женщина со шпицем. Собаку звали Марсель, хозяйку — Инна Бережная. Марсель сел у её ног и пристально смотрел на Аркадия, как на подозреваемого.

Инна вывела собаку в 23:37. Она хорошо помнила время, потому что муж позвонил из аэропорта в 23:35, а Марсель начал лаять во время разговора. В холле, по её словам, находились консьерж и молодой мужчина.

— Тот самый курьер, — сказала она.

— Что вы можете описать, не называя его курьером?

— Чёрная куртка, белая полоса на рукаве, тёмные брюки. Стоял спиной. Тамара Ивановна что-то ему говорила.

— Голос слышали?

— Женский. Мужчина не отвечал.

— Лицо видели?

— В стекле.

Аркадий поднял глаза.

— В каком стекле?

— Во входной двери. Когда я подходила, он повернулся, и лицо отразилось.

— Сможете описать?

Инна задумалась.

— Худое. Наверное. В отражении всё тёмное.

— Борода?

— Нет.

— Вы уверены?

— У Зорина нет бороды. Он мне доставки привозил.

— А у человека в отражении?

Инна погладила Марселя по голове.

— Я думала, это Зорин, поэтому и не смотрела.

— Когда вернулись с прогулки?

— Около полуночи. В 23:58 отправила мужу фотографию Марселя у клумбы.

— Мужчина был на месте?

— Нет. Стойка была пустая. Я позвала Тамару Ивановну, она вышла из подсобки.

— В какой одежде?

— В синей жилетке. Форменной.

— До прогулки тоже?

— До прогулки я на неё не смотрела. Она была за стойкой.

Аркадий попросил Инну встать у двери комнаты и показать, где находился человек. Потом они вышли в холл. Инна поставила его спиной к входу, примерно в метре от стойки. Дождь за стеклом стал светлее, но лампы внутри продолжали гореть.

— Вот здесь, — сказала она. — Я шла от лифта. Он повернул голову.

Аркадий встал на её место. В стеклянной двери отражались стойка, пальмы и светлый прямоугольник лифта. Его собственное лицо накладывалось на мокрый двор. Черты распадались: вместо глаз — два тёмных пятна, седые волосы исчезли в отражении потолка. Белая полоса на рукаве была бы заметнее носа или подбородка.

— Свет ночью такой же? — спросил он.

— Здесь всегда всё горит.

— А снаружи?

— Темно. Фонари у клумбы через один не работают.

Марсель залаял на отражение Аркадия.

— Умная собака, — сказал тот. — Не доверяет стеклу.

К половине одиннадцатого у Аркадия было пять показаний. Пять человек видели куртку. Трое называли человека высоким, но один из них сидел, второй стоял в отражении, третий видел только спину. Двое уверенно говорили о тёмных волосах; один при этом считал, что капюшон был поднят. Никто не назвал цвет глаз, форму ушей, шрам или другую примету, которую нельзя было узнать из домового чата. Время расходилось сильнее лиц.

Журнал утверждал, что Зорин вошёл в 22:14. Система шлагбаума отметила его мопед у курьерского въезда в 22:21. Между въездом и холлом было меньше трёх минут пешком, но семь минут взяться было неоткуда. Запись о выходе отсутствовала. Тамара уверяла, что он ушёл около 23:30. Инна видела человека у стойки в 23:37, а в 23:58 стойка была пустой.

Аркадий попросил принести оригинал журнала из пакета. Полицейский раскрыл его на нужной странице, не снимая прозрачной плёнки.

Запись «Зорин М.» действительно была сделана синей ручкой. Цифры «22:14» — чёрной. Ниже имя мастера по окнам и время стояли одним синим цветом. Строкой выше фамилия посетительницы была чёрной, но нажим совпадал от первой до последней буквы.

— У стойки три ручки, — сказал Савельев. — Могла одна перестать писать.

— Могла. Поэтому пока это не вывод, а вопрос.

— Семь минут?

— Мопед мог заехать не сразу. Зорин мог прийти пешком раньше, а кто-то другой ввёз мопед. Тоже вопрос.

— Ты сегодня щедрый на вопросы.

— Грачёв просил не приносить пустой лист.

В дверь заглянул полицейский и сообщил, что Михаила Зорина провели через подземный гараж. Аркадий велел посадить его в диспетчерской и подождать. Сначала он хотел увидеть место глазами человека, который ещё не знал, что его узнали.

Они с Савельевым прошли от курьерского въезда до холла. Дорога огибала мусорные контейнеры, затем ныряла под арку. На стене висела камера, направленная слишком высоко: в её кадр попадали крыши фургонов, но не лица людей. У служебной двери был считыватель, однако курьеры пользовались звонком. Дежурный открывал им из холла.

— Вчера в 22:21 кто открыл Зорину? — спросил Аркадий.

Савельев посмотрел на распечатку.

— В журнале нет. Электронный замок хранит только факт открытия изнутри, без номера кнопки.

— Значит, человек у стойки уже мог быть внутри до его приезда.

— Мог. И мог выйти через парадную дверь, пока Зорин вошёл через служебную.

— Не спеши улучшать мою версию. У нас её ещё нет.

В диспетчерской пахло пылью от аппаратуры и апельсинами. На подоконнике лежала кожура. Михаил Зорин сидел на пластиковом стуле, положив руки на колени. Он оказался ниже, чем описывали жильцы: примерно метр семьдесят пять. Тёмные волосы были подстрижены почти наголо, на подбородке росла короткая борода. На нём была серая толстовка и чёрные джинсы.

— Куртка где? — спросил Савельев.

— Дома. А что?

— Та, в которой были вчера.

— Чёрная с белым? Не дома. Я её отдал.

Аркадий сел напротив.

— Кому?

— Знакомому. Вчера вечером. Он замёрз, а я на мопеде в запасной ветровке ездил.

— Имя знакомого?

Зорин посмотрел сначала на Савельева, потом на Аркадия.

— А что случилось?

— В доме погиб человек. Нам нужно точно восстановить, кто находился у стойки ночью.

— Я никого не убивал.

— Я этого не говорил.

— Тогда зачем про куртку?

— Потому что люди запомнили её лучше, чем человека.

Зорин опустил взгляд на свои руки. На правой кисти у него была свежая ссадина.

— Знакомого зовут Илья. Фамилию не знаю. Мы иногда заказы перекидываем. Он не официальный курьер, подрабатывает по чужим аккаунтам.

— Телефон?

— В мессенджере. Номер скрыт.

— Покажете переписку.

— Покажу. Только я сюда приезжал. Не буду врать. В десять с чем-то привёз заказ в двенадцатый корпус, потом ждал следующий у консьержа.

— В двенадцатый корпус или на двенадцатый этаж?

— На двенадцатый. Тут третий корпус. Квартира тысяча двести четыре. Девушка не отвечала минут десять, потом отменила.

— В журнале вы записаны в 22:14.

— Я позже приехал. В двадцать минут, может. Приложение покажет.

— До какого времени были в холле?

— Минут пять. Я вышел к мопеду, там Илья ждал. Отдал ему куртку, он пошёл греться, а я уехал.

Савельев подался вперёд.

— Только что вы сказали, что ждали заказ у консьержа.

— Ждал, пока отменят. Пять, семь минут. Не до полуночи же.

— Свидетели видели вашу куртку после одиннадцати.

— Куртку — может. Меня — нет.

Аркадий заметил, как быстро он это разделил. Не потому ли, что понимал значение разницы заранее?

— Зачем отдали куртку Илье?

— Он приехал без своей. В одной кофте. Сказал, надо подняться к заказчику, а его в таком виде не пустят. Моя запасная ветровка была в кофре.

— Куда он собирался?

— Не сказал. Он вообще не любит рассказывать.

— Почему не забрали куртку потом?

— Договорились утром. Он не отвечает.

— Опишите Илью.

— Выше меня. Худой. Волосы тёмные, длиннее. Без бороды вроде. Лет тридцать пять-сорок.

Описание подходило почти к каждому показанию и ни к одному лицу. Аркадий попросил Зорина открыть приложение доставки. Заказ в квартиру 1204 был принят в 22:09, отметка у дома появилась в 22:22, отмена — в 22:29. Следующий заказ он взял в 22:34 у круглосуточной аптеки в двух километрах. Географические отметки приложения можно было подделать, но последовательность требовала проверки, а не немедленного недоверия.

В переписке с пользователем под именем «Илья К.» в 22:17 стояло сообщение: «Ты где». В 22:18 Зорин ответил: «У арки 3к, пять мин». В 22:31 Илья написал: «Куртку утром».

— Ссадина откуда? — спросил Савельев.

— Утром цепь слетела. Рукой за звезду задел.

— Мопед покажете.

— Покажу.

Аркадий сфотографировал переписку с согласия Зорина, записал данные приложения и попросил не удалять ничего до осмотра специалистом.

— Тамара Ивановна вас знает? — спросил он.

— Все консьержи знают. Я сюда каждый день езжу.

— Вчера за стойкой была она?

Зорин потёр ссадину большим пальцем.

— Женщина была. В жилетке, волосы под платком. Я лица толком не видел. Она сидела боком и по телефону говорила.

— Голос узнаете?

— Если снова услышу — не обещаю. Обычный.

— Тамара старше шестидесяти. Та женщина?

— Я возраст со спины не определяю. Может, старше. Может, нет.

Аркадий закончил беседу и оставил Зорина ждать осмотра мопеда. В коридоре Савельев спросил:

— Веришь?

— Проверяю.

— Удобно отдал куртку человеку без фамилии.

— Очень удобно. Поэтому может быть ложью. И поэтому же кто-то мог воспользоваться тем, что курьеры меняются одеждой и аккаунтами.

— У нас труп инженера, пропавшие документы и человек в чужой куртке у стойки.

— Пока у нас сообщение человека, который называет себя Ильёй, и показания Зорина. Не повышай их до фактов раньше времени.

К полудню специалист по видеосистеме подтвердил: накопителей в серверном шкафу не было со дня установки. Камеры передавали поток на мониторы, но ничего не сохраняли. В памяти одного внутреннего блока оставались только технические события — включение, потеря связи, перезагрузка. Изображений там не оказалось.

Аркадий попросил вывести схему камер на монитор диспетчерской. На плане синими точками были отмечены вход, двор, лифты и коридоры первых этажей. Девятый этаж не снимался. Курьерский вход попадал в два кадра, но оба существовали только в настоящем.

— Красивые глаза без памяти, — сказал специалист.

— Кто знал, что памяти нет?

— Тот, кто принимал систему. Подрядчик, эксплуатация. Консьержи могли заметить, что нельзя перемотать. Жильцы обычно думают: камера висит — значит, запись есть.

На стойке новый консьерж уже завёл чистую тетрадь. Он записывал посетителей печатными буквами и ставил время по большим электронным часам над дверью. Часы показывали 12:06. Аркадий сверил с телефоном: 12:02.

— Они спешат на четыре минуты, — сказал он.

— Всегда так, — ответил сменщик. — Тамара Ивановна говорила, чтобы доставщики не задерживались. Поставила вперёд.

Аркадий посмотрел на запись в изъятом журнале: 22:14. Если время переписывали с часов над дверью, реальное было 22:10. Но электронный замок открыл курьерский вход в 22:21 по своему, правильно выставленному времени. Разница стала не меньше, а больше.

— Когда часы перевели? — спросил он.

— Неделю назад, наверное. Тамара всё торопилась на автобус после смены.

— Она заканчивает в восемь. Как четыре минуты помогают автобусу?

Сменщик рассмеялся, затем понял, что вопрос не был шуткой.

Аркадий вернулся в подсобку и провёл линию на чистом листе.

22:10 — время, которое должно соответствовать записи 22:14 на спешащих часах.

22:21 — открытие служебной двери.

22:22 — отметка приложения Зорина у дома.

22:29 — отмена заказа.

22:31 — сообщение Ильи о куртке.

22:53 — фотография Светланы с белой полосой на чужом рукаве.

23:18–23:22 — Юрий видит человека у стойки.

23:37 — Инна видит его со спины и в отражении.

23:58 — стойка пуста, консьерж выходит из подсобки в синей жилетке.

Журнал не просто ошибался на несколько минут. Он помещал имя Зорина у стойки раньше, чем дверь впустила Зорина в корпус. Можно было предположить другой вход. Но тогда странной становилась курьерская дверь. Можно было предположить неверные часы электрон-

ного замка. Но специалист сверил их с точным временем. Можно было предположить, что запись внесли позже по памяти. Тогда слова Тамары о немедленной регистрации теряли цену.

Савельев прочитал линию через плечо.

— Первый зазор.

— Первый видимый.

— Вызовем Тамару снова?

— Нет. Сначала узнаем, кто менял часы и кто сидел за стойкой в 22:21. Если спросить сейчас, она выберет объяснение из наших вопросов.

Телефон Аркадия зазвонил в 12:17. Грачёв напомнил о докладе к двум и спросил, найден ли убийца.

— Найдено несоответствие времени, — ответил Аркадий.

— Несоответствие не посадишь в изолятор.

— Человека тоже нельзя сажать вместо несоответствия.

— У тебя курьер с судимостью, который отдал куртку неизвестному и врёт о времени. Что ещё нужно для направления?

Аркадий посмотрел на лист. О прежней судимости Зорина он ещё не спрашивал. Грачёв узнал её либо из оперативной проверки, либо от того, кто уже решил, куда должно вести дело.

— Нужно установить, кто был в куртке.

— Устанавливай. Но к двум я жду доклад с основной версией.

После звонка Аркадий вышел в холл. Дождь закончился, и дневной свет сделал стеклянные двери прозрачнее. В отражении теперь можно было различить лицо, но ночью за ним лежал чёрный двор.

Тамары Климовой у стойки не было. Перед уходом она оставила чашку с золотым ободком. Сменщик собирался вылить чай и спросил, можно ли убрать посуду.

Аркадий остановил его.

— Чашка её?

— Нет, здешняя. У нас четыре одинаковых.

— Она пьёт с лимоном?

— Тамара Ивановна? Никогда. Говорит, от кислого желудок болит. Это Нина Павловна лимон таскает. Или Вера, Тамарина дочка. Она иногда приходит помочь.

— Когда приходила последний раз?

Сменщик пожал плечами.

— Вчера, может. Я днём видел женщину за стойкой, думал, Тамара переоделась. Они похожи со спины.

Аркадий посмотрел на подсохшую половинку лимона в блюдце. Вещь ничего не доказывала. Лимон мог оставить гость, Нина Павловна, сменщик или сама Тамара, решившая один раз изменить привычке. Но к чужому времени добавилась чужая привычка.

Он попросил упаковать чашку и блюдце отдельно, хотя Савельев приподнял бровь.

— Дорогая посуда для чая, — сказал оперативник.

— Дешёвая посуда для ошибки.

Они вышли на улицу. На мокрой плитке отражался весь фасад, и перевёрнутый дом казался глубже настоящего. Аркадий раскрыл блокнот на странице «Что установлено».

Под первой строкой он написал вторую: «Человек в куртке находился у стойки после ухода Зорина».

Потом подумал и зачеркнул слово «ухода».

Вместо него написал: «после времени, когда Зорин, по проверяемым данным, уже выполнял другой заказ».

Это было длиннее, слабее и честнее.

Глава 3. Куртка с белой полосой

Михаил Зорин ждал в диспетчерской, зажав шлем между коленями. На нём была серая толстовка, слишком тонкая для октябрьского дождя, и тёмные рабочие брюки с высохшей глиной на манжетах. Рядом на стуле лежал прозрачный пакет, а в пакете — чёрная куртка с широкой белой полосой от плеча до локтя.

Аркадий остановился в дверях. Вчерашняя одежда не пряталась, не была выброшена или выстирана. Она лежала перед ним, аккуратно сложенная, как вещественное доказательство, которое подозреваемый принёс сам.

— Сказали взять, — объяснил Зорин. — Я взял.

— Кто сказал?

— Ваш сотрудник. Позвонил минут сорок назад.

Савельев стоял за спиной Аркадия и молчал. Просьба была его, и просьба разумная. Но теперь куртку уже успели вынуть из шкафа, сложить, засунуть в пакет и привезти через половину города. Если на ней оставались чужие волосы, пыль или запах, каждый новый контакт делал их происхождение менее ясным.

Аркадий сел напротив.

— Пакет ваш?

— Из магазина у дома.

— Куртку кто складывал?

— Я. Руками. Перчатки надо было надеть?

— Теперь уже не надо. Расскажите по порядку. Не то, что вы писали ночью Илье, а весь вечер с последнего заказа до возвращения домой.

Зорин потер ладонью затылок. На правом указательном пальце у него был свежий порез, заклеенный белой лентой.

— Последний нормальный заказ забрал на Корабельной, в лапшичной. Отвёз сюда, в седьмой корпус, женщине на шестой этаж. В приложение нажал, что доставил. Потом выскочил ещё один заказ, из аптеки на Набережной в дом тринадцать. Между ними приложение дало двадцать минут. Илья написал, что может забрать второй, если я отдам ему свою верхнюю одежду и короб. У него в таком виде аптека не отдаёт.

— В каком виде?

— В обычном. Он не в парке работает. Иногда подхватывает за наличные. Без формы, без термосумки.

— Зачем вы отдаёте заказ человеку, которого служба доставки не знает?

— Чтобы не получить штраф за отказ. И чтобы он заработал.

— А клиент думает, что к нему едете вы.

— Клиент думает, что к нему едет лекарство.

— Если лекарство пропадёт, отвечаете вы.

— Поэтому я не отдаю кому попало.

Слова прозвучали увереннее, чем сам Зорин выглядел. Он всё время поглядывал на куртку, словно боялся, что она заговорит раньше него.

— Илья — не кто попало?

— Два года его знаю. Мы раньше вместе на складе работали. Он в доставку официально не может устроиться. Документы потерял, регистрацию не сделал. Это не преступление.

— Потерять документы — нет. Работать под вашим именем — нарушение правил службы. Сейчас меня интересует не это. Где вы встретились?

— За шестым корпусом, возле контейнеров. Я приехал сюда в двадцать два двадцать один. Поднялся к клиентке, отдал еду, спустился. В холле женщина за стойкой попросила запи-

саться. Я написал фамилию. Потом Илья прислал, что ждёт со стороны двора. Я вышел через курьерскую дверь.

— Во сколько?

— Минут через семь. Может, восемь.

— Вчера вы назвали двадцать два двадцать девять.

— По переписке назвал. В двадцать два двадцать восемь он написал: «Я здесь». Я ответил через минуту.

— Покажите.

Зорин разблокировал телефон и протянул его Аркадию. В переписке с контактом «Илюха склад» действительно стояли короткие сообщения.

22:24. «Аптека горит. Возьмёшь?»

22:25. «Если короб дашь».

22:26. «И куртку. Там бабка цепляется».

22:28. «Я у баков».

22:29. «Иду».

22:31. «Дом 13 кв 48 код 1907. Клиенту не звони с моего».

22:46. «Отдал».

22:47. «Где ты».

22:50. «Дела тут. Потом».

23:41. «Куртку у Паши заберёшь утром».

Ниже стояли два непринятых вызова от Зорина и сообщение в 23:49: «У какого Паши?» Ответ пришёл только в 00:17: «Эксплуатация парк. Я спать».

Аркадий перечитал последнюю строку.

— Что значит «эксплуатация парк»?

— Я спросил утром. Он говорит, отдал мужику из местной эксплуатации. Тот обещал оставить куртку в бытовке на парковке. Я в семь приехал, охранник вынес пакет.

— Куртка уже была в пакете?

— В чёрном мусорном. Я переложил, потому что тот мокрый и в пыли.

— Почему вчера вы сказали только про Илью?

— Потому что ему отдал. Откуда я знал, что он дальше её кому-то сунет? И про Пашу я тогда ещё не понял.

— Ракитина видели раньше?

Зорин поднял взгляд.

— Это который тут главный по дому?

— Я спросил, видели ли.

— Видел. Он курьеров гоняет, чтобы через парадную не ходили. Но Илья написал «Паша», а таких в городе много.

Аркадий положил телефон на стол, не выпуская его из поля зрения.

— Следующий заказ после аптеки у вас был?

— У меня — да. Илья взял аптеку, а я включил второй телефон и пошёл в другой сервис. Из кофейни возле метро забрал два пакета в бизнес-центр.

— Зачем второй телефон?

— Потому что первый сервис запрещает одновременно брать чужие заказы. Все так делают.

— Все — это имя свидетеля или способ не отвечать?

Зорин сжал губы.

— Мой телефон лежал в ящике мопеда. Второй был при мне. В кофейне есть камера, на входе тоже. В бизнес-центре пропуск по паспорту. Я там был в двадцать два сорок четыре.

Савельев записал адрес. Аркадий попросил Зорина открыть второй телефон. Тот достал аппарат с треснувшим экраном. Заказ был принят в 22:32, напитки получены в 22:38, пропуск на стойке бизнес-центра выдан в 22:45, доставка закрыта в 22:51. От «Речного парка» до кофейни пешком было семь минут, на мопеде — три.

— Почему сразу не сказали?

— Потому что вы спросили про первое приложение. А второе меня за две учётки заблокирует.

— Вас могут обвинить в убийстве, а вы бережёте учётку?

— Учётка кормит. Убийство я не делал, значит, думал, разберётесь.

Аркадий встречал эту логику десятки раз. Невиновный человек редко вёл себя так, как от него ждали. Он защищал не чистоту общей картины, а ближайшее слабое место: работу без договора, чужую регистрацию, тайную связь, мелкую кражу, стыдную привычку. Из-за этого правдивый рассказ выглядел собранием запоздалых оправданий.

— Кто получил аптечный заказ?

— Женщина. Адрес в приложении.

— Она видела Илью?

— Должна была.

— Позвоните ей при нас через службу поддержки.

Зорин усмехнулся без веселья.

— Служба поддержки ответит к вечеру и напишет, что беспокоится о моей безопасности.

— Тогда начнём с аптеки и бизнес-центра. А пока опишите Илью.

— Рост метр семьдесят пять. Худой. Волосы светлые, короткие. Борода рыжая, не густая. На левой щеке ямка. Был в серой шапке и зелёной толстовке.

— В куртке он выглядел выше?

— Куртка мне велика. Ему тоже будет велика, но рукава длиннее.

— Куртка ваша?

— Теперь да. Секонд-хенд возле рынка. Купил месяц назад за тысячу восемьсот. Полоса заметная, поэтому клиенты быстрее находят.

Аркадий посмотрел на пакет. Куртка помогала узнавать курьера и одновременно позволяла принять за него любого человека подходящего роста. Полоса работала лучше лица именно потому, что её замечали первой.

Зорина оставили ждать. Савельев отправил двух сотрудников: одного — в кофейню и бизнес-центр, второго — в аптеку. Сам позвонил в службу доставки и попросил сохранить данные обоих заказов. Ответ ему пообещали после официального запроса.

— Если бизнес-центр подтвердит, Зорин физически не мог сидеть здесь в двадцать два пятьдесят три, — сказал Савельев.

— Не мог. Но его основной телефон мог оставаться у дома, а заказ под его именем выполнил Илья. Сначала установим, кто где был, потом будем освобождать людей от подозрений.

— Ты сейчас придумал, как оставить его подозреваемым при любом результате.

— Я сейчас не хочу поменять одну удобную уверенность на другую.

Они спустились на минус первый этаж. Охранник парковки, Николай Руденко, сидел в стеклянной будке среди мониторов. На двух экранах были полосы, на третьем мигал выездной шлагбаум, четвёртый показывал пустой ряд машин. Николай встретил их без удивления. За утро он уже трижды объяснял, что камеры ничего не записывают.

— Мне не камеры, — сказал Аркадий. — Сегодня в семь утра вы отдали курьеру куртку.

— Отдал. В пакете лежала.

— Кто принёс?

— Не видел. На перилах у служебной лестницы висела. Сверху записка: «Мише».

— Какая записка?

Николай указал на мусорное ведро.

— Выбросил.

Савельев надел перчатки и снял крышку. В ведре лежали стаканчики, кожура банана, смятые пропуска и бумажные полотенца. Записка нашлась у дна — половина листа из блокнота в клетку, промокшая от кофе. На ней чёрным маркером было написано одно слово: «МИШЕ».

— Кто знал, что курьера зовут Миша? — спросил Аркадий.

— Да тут все их по именам знают. На сумках написано, в приложении видно.

— На его сумке имени нет.

Николай пожал плечами.

— Значит, спросили.

— Во сколько вы заметили пакет?

— В шесть сорок. Обход делал.

— Ночью кто мог пройти к лестнице?

— Кто угодно с парковки. Дверь в подъезд по ключу, со стороны лестницы выход свободный. Я с двух до четырёх спал здесь, не буду врать. По правилам нельзя, но ночью машин не было.

— Пакет сохранился?

— Чёрный? Курьер забрал вместе с курткой.

Аркадий подумал о прозрачном пакете из магазина. Первый пакет Зорин назвал мокрым и пыльным, но не выбросил ли он его по дороге — не спросили. Савельев понял без слов и ушёл звонить в диспетчерскую.

На служебной лестнице пахло сырой штукатуркой. Перила были покрыты серой строительной пылью, кроме одного чистого места шириной в ладонь. На площадке стояла картонная коробка из-под светильников. Рядом темнел след мокрой подошвы — широкий, с прямыми поперечными рёбрами. За ночь по лестнице могли пройти десятки рабочих, и след ничего не доказывал. Но человек, оставивший пакет, выбрал место, которое не просматривалось из будки охраны.

Вернувшись в холл, Аркадий попросил ещё раз пригласить свидетелей, но не всех сразу. Он не хотел показывать им Зорина или куртку. Вместо этого Савельев нашёл в раздевалке управляющей компании четыре рабочие куртки: синюю, чёрную, серую и чёрную со световозвращающими вставками. Пятой стала куртка Зорина, оставленная в пакете. Каждую сфотографировали отдельно на одной и той же вешалке, под одинаковым светом. Порядок снимков перемешали.

Светлана Мещерякова выбрала куртку Зорина сразу.

— Вот эта. Я же фотографию присылала.

— На вашей фотографии видна белая полоса, — напомнил Аркадий. — Я спрашиваю, узнаёте ли вы остальную куртку.

Светлана приблизила снимок пальцами.

— Карманы такие. Наверное.

— Карманов на фотографии не видно.

— Но полоса точно эта.

— Значит, вы узнаёте полосу.

— Если хотите придраться к словам, то полосу.

Юрий Черных выбрал чёрную рабочую куртку со световозвращающими вставками. У неё были две узкие серые полосы на груди и рукавах, а не одна широкая белая.

— Эта, — сказал он. — Я хорошо запоминаю вещи.

— Вчера вы говорили про белую полосу на рукаве.

— При жёлтом свете серое выглядит белым. И полос там могло быть две. Человек двигался.

— Вы уверены сейчас?

— На девяносто процентов.

Инна Бережная долго переключала снимки и остановилась на куртке Зорина.

— Полоса такая, но воротник был выше.

— Человек стоял к вам спиной. Воротник могли поднять.

— Могли.

— Вы сказали, лицо в отражении было без бороды. Посмотрите на эти портреты.

На столе лежали шесть фотографий мужчин примерно одного возраста. Зорина среди них не было. Двое носили короткую бороду, один был светловолосым, трое — тёмноволосыми. Инна дважды перебрала снимки.

— Его здесь нет.

— Почему?

— Тот был худее. Или отражение вытянуло.

— Борода у него была?

— Сейчас не скажу. Может, тень казалась подбородком.

После её ухода Савельев сложил фотографии.

— Первый свидетель узнаёт полосу. Второй уверенно выбирает чужую куртку. Третий помнит худое лицо, которого толком не видела.

— Это не значит, что они лгут.

— Значит, ошибаются.

— Значит, их память достраивает то, чего не хватало. Ошибка у каждого своя. Нам нужно понять, что у них общее до обсуждения в чате.

Общей оставалась только заметная светлая полоса. Даже время было разным. Светлана видела рукав в 22:53. Черных — человека примерно в 23:18. Инна — спину в 23:37. Если Илья закончил аптечный заказ в 22:46, он успевал вернуться в «Речной парк» к первому наблюдению. Но почему оставался почти час и кому затем отдал куртку, переписка не объясняла.

Сотрудник из бизнес-центра позвонил в 12:06. Зорин действительно предъявил паспорт на стойке в 22:45. Камера у турникета сохранила локальную фотографию каждого посетителя: на снимке был Михаил в серой толстовке, без куртки и термосумки. Он вышел в 22:53. Кофейня подтвердила выдачу двух пакетов в 22:38 человеку в серой толстовке и шлеме.

— Можно отпускать? — спросил Зорин, когда ему сообщили.

— После того как найдём Илью.

— Я адреса не знаю. Он комнаты меняет.

— Где встречаетесь?

— У рынка, в столовой, на складе старом. Сегодня должен был прийти к двенадцати за деньгами.

— Уже двенадцать двадцать.

— У него «к двенадцати» — до трёх.

Аркадий попросил Зорина позвонить. Первый вызов Илья сбросил. На второй не ответил. Через минуту написал: «Не могу. Потом».

Зорин набрал сообщение: «Надо отдать деньги за аптеку. Я у столовой». Савельев покачал головой.

— Слишком похоже на приманку.

— Для Ильи деньги и есть приманка, — сказал Зорин.

Ответ пришёл через две минуты: «В 13 у шин. Один».

Старый склад находился за вещевым рынком, между шиномонтажом и закрытой мебельной фабрикой. Дождь кончился, но с железных козырьков продолжала капать вода. Зорин пошёл к воротам один. Аркадий и Савельев остались в неприметной служебной машине у киоска с выпечкой. Двое оперативников разошлись вдоль забора.

Илья появился в 13:17. Он вышел не со склада, а из прохода между гаражами, в серой вязаной шапке и зелёной толстовке. Ростом был ниже Зорина, двигался быстро, прихрамывая на левую ногу. Рыжая щетина на расстоянии выглядела тёмной.

Зорин сказал ему несколько слов. Илья отступил. Потом увидел мужчину у забора, резко повернулся и побежал к гаражам.

Погоня закончилась через сорок метров. Илья поскользнулся на мокром картоне, ударился ладонями о землю и замер, когда оперативник крикнул, чтобы он не вставал. При нём нашли дешёвый телефон, две упаковки обезболивающего, связку ключей и восемь тысяч рублей. Оружия не было.

— Я не убивал никого, — сказал он ещё до первого вопроса.

— Почему побежали? — спросил Савельев.

— Потому что вы за мной.

— Это ответ по кругу.

— У меня документов нет.

В ближайшем отделе Илью посадили в комнату с облупленной зелёной стеной. Он назвался Ильёй Кравцовым, тридцати лет. Паспорт, по его словам, сгорел в комнате общежития прошлой зимой. Проверка по фотографии и отпечаткам требовала времени.

Аркадий поставил перед ним распечатку переписки.

— В двадцать два двадцать девять Зорин отдал вам куртку и короб. Куда вы пошли?

— В аптеку.

— Сначала в аптеку или сразу к клиентке?

— Сначала в аптеку забрал пакет, потом на Набережную.

— Аптека уже выдала заказ Зорину через приложение.

Илья посмотрел на распечатку, будто там мог найтись другой ответ.

— Значит, забрал в ячейке. Не помню.

— Клиентка помнит. Сотрудник сейчас разговаривает с ней. Она опишет человека, который принёс лекарство.

Это было только предположение. До женщины ещё не дозвонились. Илья потер ладонью колено.

— Я принёс. Всё отдал. Она расписалась у себя, мне ничего не давала.

— Во сколько?

— Без пятнадцати одиннадцать.

— В 22:46 вы написали «отдал». Куда пошли потом?

— Назад.

— В «Речной парк»?

— Да.

— Зачем?

Илья прикусил внутреннюю сторону щеки. Ямка слева стала глубже.

— Мужик попросил занести коробку. Увидел меня у входа, сказал, что курьеров через главный холл не пускают. Показал дверь.

— Какой мужчина?

— Из управляйки. В рабочей одежде.

— Имя?

— Павел. Может, Пётр. Его все Пашей звали.

— Опишите.

— Крепкий, выше меня. Лет сорок. Тёмные волосы. Куртка серая, без формы. Ботинки тяжёлые, строительные.

— Он ждал вас у какого входа?

— У служебного. Спросил, Зорина ли куртка. Я сказал — его. Он говорит: «Вот и хорошо, тебя здесь знают». Я подумал, про курьеров. Попросил посидеть у стойки, пока он коробку отнесёт.

Аркадий не перебивал. История становилась удобной для Ильи ровно в тех местах, где могла снять с него подозрение.

— Почему вы согласились?

— Он дал пятьсот.

— За то, чтобы посидеть?

— Сказал, ждёт мастера, а консьерж одна не останется. Пять минут. Я сел.

— С двадцати двух пятидесяти до двадцати трёх сорока — не пять минут.

— Я не сидел до сорока.

— Вас видели у стойки в двадцать три тридцать семь.

Илья замер. Потом медленно покачал головой.

— Не меня.

— Куртку видели ту, что была на вас.

— Куртку он забрал.

— Кто?

— Этот Паша. Вернулся минут через десять. Без коробки. Сказал, что мне лучше уйти через служебную лестницу, потому что жильцы жалуются на посторонних. Я снял куртку, хотел оставить Зорину у стойки. Он сказал, что сам передаст, потому что знает Мишу. И дал ещё тысячу.

— За что тысячу?

— Чтобы я не спорил.

— Вы обычно берёте деньги, когда вас просят не спорить?

— Обычно мне не дают.

— Во сколько вы отдали куртку?

— Около одиннадцати. Может, без пяти.

— В 22:53 на фотографии ещё ваш локоть или уже чужой?

Илья уставился на него.

— Какой фотографии?

Аркадий не показал снимок.

— Вы сидели у стойки, когда женщина фотографировала термометр?

— Она приходила. Про батарею говорила. Я сидел боком. Значит, мой.

— У вас на левой руке татуировка?

Илья машинально потянул рукав толстовки вниз. На запястье была синяя буква «К» и расплывшаяся звезда.

— На фотографии кисти нет, — сказал Аркадий. — Кто был за стойкой?

— Консьерж. Женщина в тёмной кофте. Волосы короткие.

— Возраст?

— Лет сорок пять. Может, пятьдесят.

— Тамаре Климовой шестьдесят семь.

— Я паспорт не смотрел. Она спиной больше стояла.

— Чай пила?

— Да. С лимоном. Ещё спросила, не хочу ли я.

Савельев перестал писать и посмотрел на Аркадия. О лимоне Илье никто не говорил. Эта деталь помещала у стойки не Тамару, а, вероятнее всего, Веру. Но она не доказывала остальную часть рассказа.

— Куда ушли после передачи куртки?

— Через парковку. Потом в круглосуточную столовую на Вокзальной. Телефон сел.

— В переписке он не сел. В 23:41 вы написали Зорину, где забрать куртку.

— Зарядил в столовой.

— Почему написали «у Паши», если не знали точно, как его зовут?

— Он сказал: «Паша из эксплуатации». Я и написал.

— Где короб?

— У него остался.

— Короб Зорину вернули утром вместе с курткой?

Илья отвёл глаза.

— Не знаю.

Аркадий вышел в коридор. Савельев последовал за ним и прикрыл дверь.

— У нас человек по имени Паша из эксплуатации, — тихо сказал он. — Сорок лет, крепкий, тёмные волосы. Можно брать Ракитина.

— У нас рассказ человека без документов, который побежал при виде полиции и сначала солгал про аптеку.

— И лимон, о котором он знать не мог.

— Лимон подтверждает, что Илья был у стойки и видел женщину, похожую не на Тамару. Передачу куртки он пока подтверждает только сам.

— Переписка с Зориным была ночью, до полиции.

— Она подтверждает «Пашу» и эксплуатацию. Но не объясняет, кто надел куртку после одиннадцати. Илья мог оставить её на диване, передать другому курьеру или сам вернуться. Ракитин мог забрать вещь, чтобы вернуть хозяину. Мы не будем делать из имени приговор.

— Грачёв сделает. Только не Ракитину — Зорину. Если мы принесём ему эту цепочку без конца, он скажет, что курьеры выгораживают друг друга.

— Поэтому конец цепочки надо найти.

Оперативник сообщил, что дозвонился до получательницы аптечного заказа. Женщина помнила светловолосого курьера с рыжей бородой и ямкой на щеке. Он пришёл без шлема, в чёрной куртке с белой полосой, передал пакет в 22:45 или 22:46. Домофон сохранил фотографию посетителя. На снимке был Илья.

Его перемещение до аптеки и обратно теперь укладывалось по минутам. В 22:46 он закончил доставку. В 22:53 попал на фотографию Светланы у стойки. Пройти семь минут быстрым шагом было возможно. В 23:18 и 23:37 свидетели видели ту же куртку, но не могли уверенно описать человека.

Аркадий вернулся в комнату.

— Получательница вас опознала. Это хорошая часть. Теперь плохая: вы солгали, будто не помните, как получили заказ.

— Я испугался.

— Чего?

— Что повесят чужую учётку.

— Вы всё время боитесь меньшего обвинения раньше большего. Где именно вы сняли куртку?

— У стойки. Справа от дивана.

— Мужчина надел её при вас?

— Нет. Сложил на стойку.

— Он касался её голыми руками?

— Да.

— Какая рука?

— Обеими взял. Я не следил.

— На нём были часы, кольцо, браслет?

Илья закрыл глаза, вспоминая.

— Часы. Большие, квадратные. Ремешок оранжевый или красный. На правой руке.

— Вы уверены?

— Он деньги доставал, рукав задрался. Ещё ноготь на большом пальце чёрный, прищемил, наверное.

Это были признаки, которые можно проверить. Они всё ещё не называли человека, но впервые отделяли его от общей фигуры «мужчины из эксплуатации».

— И обувь, — добавил Илья. — Ботинки с красными шнурками. Я запомнил, потому что у него один шнурок был заправлен, другой болтался. Он наступил на него, когда к двери шёл.

Аркадий записал и это.

— До отдельного разрешения из города не уезжайте. Телефон держите включённым. Адрес, где ночуете, сообщите точно, даже если хозяин комнаты не оформил вас.

— Меня отпустят?

— После проверки данных. И когда закончите менять ответы.

В коридоре Савельев уже говорил по телефону с сотрудником в «Речном парке». Он попросил не задерживать Ракитина и не задавать ему вопросов, а лишь отметить, во что тот одет, какие носит часы и есть ли повреждение на пальце. Ответ пришёл через пять минут.

Павел Ракитин находился в офисе управляющей компании. На нём были обычные чёрные ботинки без красных шнурков. Часы — круглые, с металлическим браслетом, на левой руке. Ногти без заметных повреждений.

— Не сходится, — сказал Савельев.

— С тем Ракитиным, которого видят сейчас.

— Часы и шнурки можно поменять.

— Можно. А можно признать, что Илья описал другого человека или придумал детали, чтобы мы поверили. Найдём записи из кофейни, парковки соседних домов, чеки столовой. Установим, кто в эксплуатации носит такие часы. И отдельно спросим, куда делся курьерский короб.

Савельев посмотрел на прозрачный пакет с курткой, который уже перенесли в кабинет для осмотра.

— А саму вещь отправляем экспертам?

— Осмотр, волокна, волосы, пыль, следы краски. Без обещаний, что получим имя. Её носили минимум двое, потом неизвестно кто упаковал и повесил на лестнице.

— Трое, если считать Зорина.

— Именно.

К вечеру цепочка выглядела так: Зорин вошёл в дом в своей куртке; в 22:29 передал её Илье; в 22:46 Илья доставил лекарство; в 22:53 его рукав попал на фотографию у стойки; около одиннадцати он, по собственным словам, отдал куртку человеку из эксплуатации; в 23:18 и 23:37 жильцы продолжали видеть белую полосу; к 23:58 человек исчез; утром вещь нашли на лестнице парковки с запиской «Мише».

Лицо в этой цепочке менялось, а куртка оставалась.

Аркадий позвонил Лиде Снегирёвой. Она ответила не сразу. На фоне звучал транспортный гул.

— Вы спрашивали про вещи отца? — сказала она. — Я проверила фотографию с прошлой недели. У него была серая папка и маленький диктофон. Папки нет. Диктофона тоже.

— Как выглядел диктофон?

— Чёрный, размером с зажигалку. Он записывал замечания на объектах, потому что очки забывал.

— Кто знал?

— Все, с кем он работал. Он никого не предупреждал, просто включал и говорил дату.

— Лида, сегодня не возвращайтесь в квартиру отца одна. Позвоните мне перед поездкой.

— Вы нашли того курьера?

— Нашли человека, который носил его куртку часть вечера.

— Значит, Михаил не виноват?

Аркадий посмотрел на схему времени в блокноте. Между доказанной невиновностью в одном отрезке и полной непричастностью лежало несколько часов, десяток дверей и человеческая привычка узнавать не лицо, а готовое имя.

— Значит, свидетели видели не одного человека, — ответил он. — Пока только это.

После разговора он спустился в холл. За стойкой сидела Тамара Климова в синей форменной жилетке. Перед ней стояла чашка без лимона. Увидев Аркадия, она прикрыла журнал ладонью, хотя журнал был новый и чистый.

— Ещё вопросы? — спросила она.

— Один. Вчера мужчина в куртке с белой полосой менялся прямо у стойки. Кто забрал куртку после Ильи?

Тамара побледнела, но ответила быстро:

— Никакого Ильи я не видела.

— Я не спрашивал, видели ли вы Илью.

Она убрала руку с журнала.

— Тогда не понимаю вопроса.

— Понимаете. Просто не вы дежурили в тот час.

За спиной Тамары открылась дверь подсобки. На пороге появилась женщина лет сорока в тёмной кофте. Волосы у неё были короткие, на пальцах — следы лимонного сока и чайная ложка.

Тамара обернулась слишком поздно.

— Вера, — сказала она. — Я просила тебя не выходить.

Глава 4. Дверь без звонка

Вера Климова держала чайную ложку так, будто её застали с ключом от сейфа.

Она была ниже матери, худее и моложе, чем решил Илья. Тёмная кофта застёгнута не на те пуговицы, на правом рукаве белела полоска муки или сухого чистящего порошка. В подсобке за её спиной стоял электрический чайник. На разделочной доске лежала половина лимона.

— Вы кто? — спросил Аркадий.

— Дочь Тамары Ивановны.

— Имя я уже услышал. Фамилия?

— Климова. Вера Сергеевна.

— Вчера вечером вы были здесь?

Тамара поднялась из-за стойки.

— Она зашла на десять минут принести лекарства. Я уже говорила, что давление скакнуло.

— Я спрашиваю Веру Сергеевну.

— А вы на неё не давите. Она к вашему делу отношения не имеет.

Вера посмотрела на мать. В этом взгляде не было просьбы помочь. Скорее привычка ждать, какой ответ старшая сочтёт безопасным.

— Я приходила, — сказала она. — После работы.

— Во сколько?

— Около девяти.

— Ушла?

— Не помню. До одиннадцати.

— В половине двенадцатого вы были за стойкой?

— Нет.

— Чай с лимоном пили?

Вера посмотрела на ложку и положила её на стойку.

— Пила. Это запрещено?

— Чай — нет. Выдавать себя за другого дежурного — зависит от последствий.

Тамара резко втянула воздух.

— Никто ни за кого себя не выдавал.

Аркадий попросил Савельева проводить Веру в комнату управляющего, а сам остался с Тамарой. Раздельный разговор был простым способом лишить людей возможности подправлять общий рассказ кивками и паузами. Простым — пока один из них не был матерью, а второй дочерью, привыкшей много лет понимать эти кивки без слов.

Тамара села, но жилетку застегнула до горла.

— Давление у вас действительно поднималось? — спросил Аркадий.

— Сто восемьдесят на сто десять. Могу карточку показать.

— Покажите.

Она открыла телефон. В 19:48 Вера получила от неё фотографию тонометра. На экране прибора было 181 на 108. В 19:50 дочь ответила: «Ложись. Еду». В 20:16 написала: «Я у ворот».

— Вера приехала в двадцать шестнадцать, не около девяти.

— Она округлила.

— Когда вы ушли домой?

— Я не уходила. Полежала в подсобке.

— До которого часа?

— До десяти. Потом вернулась.

— Кто сидел за стойкой, пока вы лежали?

— Вера. Но это не смена. Она просто смотрела, чтобы никто не прошёл.

— Открывала двери?

— Если звонили, открывала.

— Делала записи в журнале?

— Может быть. Я не проверяла каждую строчку.

— Ваша дочь в форме была?

— Нет. Она же не работник.

— Значит, жильцы видели за стойкой незнакомую женщину в тёмной кофте и считали её вами.

— Они на нас вообще не смотрят. Для них мы мебель.

Тамара произнесла это без обиды, как многократно проверенный бытовой факт. Аркадий вспомнил Светлану, которая уверенно разговаривала с Тамарой Ивановной, но не смогла назвать цвет её одежды. Юрий Черных требовал уступить место женщине, хотя не понимал, кто сидел и кто стоял. Жильцы знали должность, имя на табличке и синюю жилетку; лицо каждый раз достраивали потом.

— Во сколько вы вернулись за стойку?

— Около десяти.

— Вера говорит, что была здесь до одиннадцати.

Тамара поджала губы.

— Мы обе были. Я могла снова прилечь.

— Сколько раз?

— Давление не по расписанию.

— Мужчину в куртке с белой полосой вы видели?

— Курьера видела. Михаила. Он у нас постоянно бывает.

— Лицо видели?

— Конечно.

— Где он стоял, когда вы увидели лицо?

— Перед стойкой.

— В какое время?

— Когда записывался. В журнале есть.

— В 22:14?

— Да.

— Курьерская дверь открылась в 22:21. До этого он не мог подойти к стойке со стороны служебного входа.

Тамара посмотрела на часы над стойкой. Они по-прежнему спешили.

— Значит, часы неправильно шли.

— Семь минут — не четыре. И имя с временем написаны разными ручками.

— Синяя перестала писать. Я взяла чёрную.

— Почему сначала написали фамилию без времени?

— Потому что отвлекли.

— Кто?

— Не помню. Дом большой.

Аркадий вынул фотографию страницы журнала. Оригинал оставался в пакете. Ниже записи о Зорине стояла фамилия мастера по окнам, выше — гостья из восьмого корпуса. Между строками не было пропуска.

— Записывала Вера?

— Я.

— Вера говорит иначе?

— Вы ещё не успели её спросить.

Аркадий убрал фотографию.

— Верно. Поэтому вам лучше не угадывать её ответы.

Тамара отвернулась к входным дверям. За стеклом рабочий в оранжевой куртке катил тележку с мешками. Она нажала кнопку, впуская его без звонка.

— Откуда вы знаете, кому открывать? — спросил Аркадий.

— Я всех рабочих знаю.

— По лицам?

— По одежде, тележкам, кто откуда идёт. Чужого видно.

— И вчера Зорина узнали по одежде?

Она не ответила.

В комнате управляющего Вера сидела перед выключенным компьютером. Савельев оставил рядом стакан воды и вышел. Аркадий положил телефон экраном вниз, чтобы женщина не решила, будто разговор уже тайно записывают. Потом включил служебную запись открыто и назвал дату.

— Мать не потеряет работу из-за того, что вы скажете правду, — начала Вера.

— Я такого не обещал.

— Тогда зачем мне говорить?

— Потому что погиб человек. И потому что сейчас ваша мать берёт на себя действия, которых могла не совершать.

Вера провела пальцем по краю стакана.

— Она тридцать лет работала. Сначала в общежитии вахтёром, потом здесь. Один раз стало плохо, и всё перечеркнут?

— Если бы дело было только в давлении, мы бы обсуждали трудовые правила. Но в вашу смену кто-то получил доступ к дому, а потом один человек умер и другой оказался подозреваемым. Расскажите без защиты матери и без защиты себя. С двадцати шестнадцати.

Вера сказала, что приехала на такси, принесла таблетки и суп в контейнере. Тамара лежала в подсобке на раскладушке. Вера села за стойку, накинула синюю жилетку матери, потому что жильцы задавали вопросы. Примерно в девять мать попыталась вернуться, но её затошнило. Вера отправила её домой через служебный выход, чтобы начальство не увидело.

— Одна остались?

— Да.

— До конца смены?

— До шести утра.

— Почему сегодня мать сидит здесь после ночи?

— Она пришла в пять сорок и сменила меня. Потом узнала про погибшего. Решила сказать, что работала сама.

— Кто предложил эту версию?

— Она. Я согласилась.

— За смену вам заплатили?

— Нет. Это мама.

— Журнал заполняли вы?

— Часть.

— Зорина вписали вы?

— Фамилию — да. Время дописала мама утром, когда мы вспоминали.

— Почему 22:14?

— Я сказала, что он пришёл около десяти пятнадцати.

— На семь минут раньше открытия двери.

— Значит, ошиблась. Я не смотрела на часы каждый раз.

— Но фамилию вписали сразу?

— Когда он назвался.

— Вы видели его лицо?

Вера долго не отвечала.

— Сначала — со спины. Он наклонился к журналу. Потом ушёл к служебной двери.

— Вы разговаривали?

— Спросила фамилию. Он сказал: «Зорин».

— Голос узнали бы?

— Не знаю.

— Это был Михаил Зорин?

— Я думала, что он.

— А сейчас?

— Сейчас вы так спрашиваете, будто нет.

Аркадий не стал сообщать ей о двух носителях куртки. Вместо этого нарисовал на листе стойку, курьерскую дверь, парадный вход и коридор к лифтам.

— Покажите, откуда вошёл человек, назвавшийся Зориным.

Вера поставила точку у парадной двери.

— Отсюда.

— Курьерский мопед зафиксирован позже у другого входа. Почему курьер вошёл через парадную?

— Иногда жильцы придерживают дверь. Он мог пройти за кем-то.

— Кто был перед ним?

— Не помню. Женщина с коляской. Или это раньше.

— Во что он был одет?

— Чёрная куртка, белая полоса.

— Шлем?

— Кажется, нет.

— Термосумка?

— Нет.

Первый человек в куртке мог войти через парадную до настоящего Зорина. Но Илья получил куртку лишь в 22:29. Значит, либо Вера смешивала два разных появления, либо фамилию в журнале назвал сам Зорин после открытия курьерской двери. Её память уже знала итог и складывала события в удобную последовательность.

— В 22:21 кто открыл курьерскую дверь?

— Я.

— По звонку?

— Наверное.

— Вы слышали голос?

— Курьер сказал, что в седьмой корпус.

— Зорин доставлял в седьмой корпус. Это подтверждено. После него дверь ещё открывали?

— Много раз.

— Электронный замок показывает открытия в 22:21, 22:49, 23:06 и 23:43. Кто вошёл в 22:49?

Вера сжала стакан обеими руками.

— Не знаю.

— Илья вернулся после аптечного заказа примерно в это время. Он утверждает, что его встретил мужчина из эксплуатации.

— Может быть.

— Вы видели этого мужчину?

— Рабочие ходят постоянно.

— После десяти вечера?

— Дом сдаётся. Здесь постоянно что-то течёт, не закрывается, пищит.

— Павел Ракитин был в холле?

Вера отпила воду. Стакан стукнул о зубы.

— Я не следила.

— Это не ответ.

— Не помню.

Аркадий сделал пометку и сменил тему.

— Квартира девятьсот шестнадцать. Кто-нибудь звонил с её домофона?

— Она пустая.

— Именно поэтому спрашиваю.

— Не помню номер квартиры на экране. Там мелко.

— Домофон из квартиры выводит крупный номер.

— Значит, не смотрела.

— Вы открывали дверь из холла человеку, который назвал девятьсот шестнадцатую?

Вера покачала головой.

— Нет.

— Уверены?

— Да. В пустую квартиру никого не пустила бы.

— Даже работника эксплуатации?

— У них ключи.

Последняя фраза прозвучала быстрее остальных. Аркадий записал её дословно.

Савельев ждал в коридоре с распечаткой от специалиста по домофону. Система была дешёвой, но не совсем беспамятной. Центральный сервер не сохранял видео с камер, зато панель доступа держала технический журнал на семь дней: время вызова, номер набранной квартиры и способ открытия. Она не записывала разговоры, но различала, откуда пришла команда — из квартиры, со стойки или универсальным ключом.

— В 20:41 вызов квартиры девятьсот шестнадцать, — сказал Савельев. — Двадцать две секунды. Дверь открыта кнопкой со стойки.

— Какой двери?

— Парадной.

— Кто-то снаружи набрал номер пустой квартиры, дождался ответа, и Вера открыла из холла.

— Она отрицает.

— Поэтому пока не показывай распечатку.

— Есть ещё. В 21:57 снова девятьсот шестнадцать. Вызов восемь секунд, дверь не открыта. В 23:43 открыта курьерская дверь со стойки без входящего звонка.

— Без звонка?

— Кнопку можно нажать из холла в любое время. В журнале нет вызова перед открытием.

— Кто-то заранее договорился, что его выпустят или впустят.

— Или нажал сам, пока Вера отошла.

Аркадий вернулся к ней с чистым листом, не с распечаткой.

— В двадцать сорок одну минуту вы открыли парадную дверь после звонка из квартиры девятьсот шестнадцать. Кто звонил?

Вера посмотрела на выключенный монитор.

— Я не помню.

— Минуту назад вы были уверены, что не открывали.

— Значит, ошиблась.

— Человек назвался?
— Рабочим. Сказал, что забыл ключ.
— Имя?
— Не сказал.
— Голос?
— Мужской.
— Молодой, пожилой?
— Обычный.
— Что значит обычный голос?
— Не хриплый, не высокий. Я не знаю.
— Он сказал, что идёт в пустую квартиру?
— Нет. Набрал случайно, наверное. Сказал: «Открой, это я».
— И вы открыли человеку, который назвал себя «я»?
Вера вспыхнула.
— Здесь половина рабочих так говорит. Они думают, мы обязаны узнавать.
— Вы узнали?
— Мне показалось.
— Кого?
— Не помню.
Аркадий придвинул ей лист.
— Запишите точную фразу, которую услышали. Не объяснение, только слова.
Вера взяла ручку и написала: «Открой, это я. С девятого».
— «С девятого» раньше не было, — заметил Аркадий.
— Вспомнила.
— Что это означало?
— Девятый этаж. Там бригада работала.
— В квартире девятьсот шестнадцать?
— На всём этаже.
— Вторая часть фразы была до открытия или после?
— До.
— Почему вчера не рассказали полиции о звонке?
— Меня никто не спрашивал.
— Вы представились Тамарой и сказали, что всю ночь не было ничего необычного.
— Для этого дома рабочий без ключа — не необычное.
Он положил перед ней распечатку.
— В 21:57 тот же номер набрали снова. Вы не открыли.
— Я отошла.
— Куда?
— В туалет.
— Кто оставался у стойки?
— Никого.
— В 23:43 курьерская дверь открылась кнопкой со стойки без звонка. Вы нажали?
Вера прочитала строку дважды.
— Нет.
— Кто мог?
— Любой, кто стоял здесь.
— Кнопка под столом. Посетитель её не видит.
— Работники знают.
— Кто был рядом в 23:43?

— Никого.

— Тогда дверь открылась сама?

— Может, время неверное.

— Система сверяется с сетью. Ошибка меньше минуты.

Вера встала, но стул упёрся в стену.

— Я хочу уйти.

— Вы можете прекратить разговор. Но нам придётся оформить ваши показания и пригласить снова. Перед этим ответьте: вы открыли человеку, который вернулся за чем-то из квартиры девятьсот шестнадцать?

— Нет.

— Вы видели, кто нажал кнопку в 23:43?

— Нет.

— Вы боялись этого человека?

Она посмотрела на дверь, за которой была стойка и мать.

— Я боюсь, что мама останется без работы.

Ответ был правдивым и не отвечал на вопрос.

Тамару пригласили отдельно и показали журнал домофона. Она подтвердила, что в 20:41 уже ушла домой. О втором вызове и открытии без звонка ничего знать не могла. Услышав, что Вера признала ночную подмену, она закрыла лицо ладонями.

— Я просила её только посидеть, — сказала она. — Она не виновата.

— В чём именно не виновата?

Тамара убрала руки.

— Ни в чём.

— Тогда почему вы отвечаете так, будто знаете обвинение?

— Потому что вы умеете из каждой кнопки сделать преступление.

— Кнопка всего лишь показывает, что дверь открыли из холла. А человек, который там дежурил, говорит, что не открывал. Между этими двумя фактами должен быть третий.

— Там рабочие. Они сами лазают.

— Значит, кто-то из рабочих подошёл к скрытой кнопке и нажал её при Вере или вместо неё. Кто имел такую возможность?

Тамара назвала пятерых: электрика управляющей компании, двух сантехников, сменного техника и Павла Ракитина. Потом добавила, что кнопку знают курьеры, жильцы и дети, потому что некоторые заглядывают за стойку.

— Михаил Зорин знал? — спросил Аркадий.

— Может, знал.

— Илья?

— Я никакого Илью не видела.

— Вы вообще никого не видели. Вас здесь не было.

Тамара опустила глаза.

Пока Савельев оформлял изъятие электронного журнала, Аркадий прошёл к парадной двери и набрал на панели 916. В холле раздалась резкая трель. На мониторе за стойкой крупно появилось: «КВ. 916». Ни с каким другим номером перепутать было невозможно.

Он попросил сотрудника встать на улице и повторить фразу Веры. Через динамик голос стал металлическим, возраст исчез, согласные зашуршали. «Открой, это я. С девятого» мог сказать молодой курьер, пожилой рабочий или сам Аркадий. Узнать человека по такому звуку было трудно. Но Вера открыла не из-за голоса. Она ожидала его или поверила словам, понятным только ей.

— Ещё раз, — сказал Аркадий в трубку.

Сотрудник повторил.

Вера стояла у двери комнаты управляющего и слушала. На словах «с девятого» она едва заметно качнула головой, словно фраза была произнесена неправильно.

— Не так? — спросил Аркадий.

— Так.

— Вы сейчас показали обратное.

— Вам показалось.

— Какая была точная интонация?

— Не помню.

Он не стал давить. Полная версия Веры пока держалась на страхе за мать и ещё на чём-то, чего она боялась сильнее увольнения. Если заставить её выбрать немедленно, она выберет молчание и успеет согласовать рассказ с тем, кому открыла.

Аркадий велел взять у неё письменное обязательство являться по вызову и предупредил, чтобы она не обсуждала содержание разговора с работниками эксплуатации. Запретить разговор с матерью он не мог и не пытался.

Перед уходом Вера остановилась у стойки.

— Мам, поедем.

Тамара сняла синюю жилетку и аккуратно повесила её на спинку стула. Без жилетки она сразу перестала быть консьержем, которого жильцы будто знали много лет, и стала пожилой женщиной в серой блузке.

— Кто останется? — спросила она.

— Управляющая компания найдёт человека, — ответил Савельев.

— Они никого ночью не найдут.

— Тогда впервые закроют дверь.

После их ухода Аркадий проверил кнопку под столом. Она была круглая, красная, без подписи. До неё можно было дотянуться с внутренней стороны стойки. Снаружи — только если перегнуться через столешницу. На краю лежала свежая царапина, а рядом в щели застряла короткая серая нитка.

Савельев позвал специалиста. Нитку сняли и упаковали отдельно. Она могла попасть туда с любой рабочей куртки за последние месяцы и ничего не значить. Но теперь каждую мелочь приходилось сохранять хотя бы для того, чтобы позже честно признать её бесполезной.

— Время гибели уточнили, — сказал Савельев. — Предварительно между двадцатью тридцатью и двадцатью двумя. Точнее после вскрытия.

Аркадий посмотрел на журнал домофона. Первый вызов из 916 был в 20:41, внутри предполагаемого промежутка. Второй — в 21:57, ближе к его концу. Если Снегирёв ещё был жив при первом звонке, он мог сам набрать номер квартиры, в которой находился. Но почему звонил вниз, а не открывал гостю из квартиры? В незаселённом помещении домофонный аппарат мог быть не подключён. Тогда номер набрал человек снаружи, знавший, что квартира пуста, и использовал его как условный знак.

— Проверь, подключена ли трубка в девятьсот шестнадцатой, — сказал он.

Они поднялись на девятый этаж. Дверь квартиры оставалась опечатанной. После оформления входа специалист снял пломбу, и Аркадий первым переступил порог. В прихожей пахло бетоном и вчерашней пылью. На стене возле двери висел белый домофонный аппарат, ещё покрытый заводской плёнкой.

Специалист снял трубку. Тишина. Открутил два винта и показал свободные провода.

— Не подключён. С квартиры ни ответить, ни открыть нельзя.

— Значит, человек снаружи дважды набирал заведомо пустой номер, — сказал Савельев.

— Или считал его пустым.

На полу у стены лежала пластиковая крышка кабельного канала. Аркадий присел. Под ней был серый прямоугольник чистого бетона, будто крышку недавно снимали и возвращали.

Внутри канала шли тонкие провода домофона и пожарной системы. Один провод был перерезан, концы аккуратно зачищены.

Специалист посветил фонарём.

— Это линия трубки. Её не просто не подключили. Здесь разрезали после прокладки.

— Когда?

— По меди не скажу. Не год назад: блеск свежий, пыли мало. Но и не обязательно вчера.

Аркадий вспомнил пластиковую кнопку у тела Снегирёва. Круглая, серо-белая, размером с ноготь. Она могла быть заглушкой, частью измерительного прибора или кнопкой от внутреннего домофона. Теперь у неё появилась ещё одна возможная история.

— Изъять оба конца, — сказал он. — И найти схему подключения этажа.

В коридоре Савельев посмотрел на закрытую дверь.

— Если трубка не работала, зачем звонить дважды?

— Чтобы Вера услышала номер и открыла. Квартира была не адресом. Она была паролем.

— А в 21:57 не открыла.

— Или потому что человек уже был внутри и звонил кто-то другой. Или потому что пароль после первого раза перестал действовать.

— Много «или».

— Зато дверь одна. И она помнит лучше свидетелей.

Глава 5. Быстрый отчёт

К девяти утра на столе Грачёва лежали три листа, и каждый делал Михаила Зорина виновнее, чем он был час назад.

На первом значилась прежняя судимость. На втором — показания жильцов о куртке с белой полосой. На третьем — выписка из журнала консьержа: «Зорин М., 22:14».

Четвёртого листа, с открытиями дверей и двумя звонками из пустой квартиры, в стопке не было.

Аркадий заметил это ещё с порога. Грачёв сидел за широким столом, слишком большим для кабинета, и листал распечатки пальцем, не поднимая глаз. Справа стояла чашка с гербом района. Слева мигал служебный телефон. На подоконнике сохла земля в горшке с фикусом, который пережил трёх начальников и ни разу не выглядел живым.

— Закрой дверь, — сказал Грачёв.

Аркадий закрыл.

— Савельев где?

— Повёз серую нитку и провод домофона на исследование. Потом заберёт детализацию по Зорину.

— Значит, умеете быстро, когда хотите.

Грачёв перевернул первый лист. Фотография Михаила была старая, из дела восьмилетней давности: коротко стриженный парень смотрел прямо в объектив и старался не показать страх. В новом паспорте лицо стало уже, возле глаз появились две резкие складки, но для быстрого отчёта подходила прежняя фотография. Она заранее объясняла, какого человека следует видеть.

— В одиннадцать совещание у Костина, — сказал Грачёв. — В двенадцать мне нужен доклад: подозреваемый установлен, решается вопрос о задержании. Не «проверяем версии», не «проводим мероприятия». Установлен.

— Кем?

— Аркадий Семёнович, не начинай.

— Я уточняю подлежащее.

— Консьержем. Жильцами. Напарником по доставке. Самим Зориным, который признал, что был в доме.

— Консьержем в ту ночь была не консьерж. Жильцы узнают куртку. Напарник утверждает, что передал эту куртку другому человеку. Сам Зорин подтверждает доставку до двадцати двух двадцати девяти и отрицает возвращение.

— Отрицает. Это важное слово. Невиновные тоже отрицают, но виновные делают это чаще.

— Статистика есть?

— Не остри. У нас труп, конфликт погибшего с курьером и человек с судимостью на месте.

— Какой конфликт?

Грачёв придвинул объяснение диспетчера службы доставки. За неделю до гибели Снегирёв пожаловался на испорченную упаковку и отказался принять заказ. Зорину удержали часть премии. Диспетчер записал: «Курьер выражал недовольство клиентом».

— Вот такой.

— На сколько удержали?

— Не имеет значения.

— Значит, ты не знаешь.

— Шестьсот рублей.

— И ради них он неделю спустя возвращается в дом, называет свою фамилию, вписывает её в журнал и убивает человека, который жил на Береговой?

— Снегирёва нашли в девятом корпусе.

— Чтобы встретиться с ним, Зорину надо было знать, что инженер будет именно там. Доставка была в седьмой корпус. Снегирёва там не было.

Грачёв откинулся в кресле. Пружина коротко скрипнула. Он был моложе Аркадия на двадцать один год и терпеть не мог, когда этот возраст становился заметен не по седине, а по необходимости ждать ответа.

— Мотив уточним. Для задержания достаточно иных данных.

— Каких именно?

— Ты мне экзамен устраиваешь?

— Хочу услышать формулировку, которую ты предлагаешь поставить над моей подписью.

Грачёв взял ручку и заговорил медленнее, будто диктовал секретарю:

— Зорин находился в доме в предполагаемый период совершения преступления. Опознан очевидцами. Имел неприязненные отношения с погибшим. После обнаружения тела скрыл одежду, в которой его видели. Ранее судим за насильственное преступление.

— За грабёж без оружия. В девятнадцать лет. Судимость погашена.

— Я не предлагаю написать, что она не погашена.

— Ты предлагаешь поставить её последней, чтобы всё остальное показалось весомее.

— Потому что оно весомее в совокупности.

Аркадий посмотрел на три листа. Слово «совокупность» часто помогало слабым данным держаться вместе. По отдельности каждое шаталось: время дописали утром, лицо не описал никто, куртку носили трое, мотив стоил шестьсот рублей. Если связать их канцелярской верёвкой, получался аккуратный свёрток, который удобно передать наверх.

— В предполагаемый период Зорин был в кофейне у бизнес-центра. У нас чек, журнал выдачи заказа и два независимых человека.

— В двадцать два сорок. Смерть могла наступить позже.

— Тогда он не находился в доме весь предполагаемый период. Только раньше.

— Вернулся.

— Чем доказывается?

— Курткой.

— Куртка не ходит сама, но и лицо из неё не вырастает.

Грачёв резко положил ручку.

— Ты за год до пенсии решил стать защитником всех обиженных курьеров?

— За одиннадцать месяцев.

— Что?

— До пенсии одиннадцать месяцев, не год.

— Тем более. Закрой дело нормально. Без последнего подвига.

Аркадий почувствовал желание ответить сразу и жёстко. Раньше он считал это честностью. С возрастом понял: иногда это просто подарок человеку напротив. Грачёв мог потом сказать, что опытный следователь действует из самолюбия, конфликтует с руководством, защищает подозреваемого назло. Поэтому Аркадий подвинул к себе объяснение диспетчера.

— Кто его получил?

— Оперативники. Сегодня в семь тридцать.

— Почему там нет вопроса, встречались ли Зорин и Снегирёв после жалобы?

— Задашь сам.

— Задам. И проверю, кто видел лицо, кто — только полосу на рукаве, кто слышал фамилию и когда она появилась в журнале. После этого решу вопрос о задержании.

— Решишь до одиннадцати.

— Нет.

Телефон перестал мигать и зазвонил. Грачёв посмотрел на экран, сбросил вызов.

— Мне доложить Костину, что мой старший следователь второй день не может определить очевидное?

— Доложи, что старший следователь установил подмену консьержа и ложное время в журнале.

— Оно приблизительное.

— Его дописал человек, которого в тот момент не было на смене.

— Это нарушение трудовой дисциплины, а не алиби Зорина.

— Это источник алиби. Если источник другой, значение записи меняется.

Грачёв встал. При его росте кабинет сразу стал теснее.

— Ты не понимаешь, что от нас требуется. В городе три резонансных дела за неделю. Костин едет к главе района. Ему нужен понятный ответ по дому, где люди уже пишут, будто убийца ходит между корпусами. Если скажем, что подозреваемого нет, начнётся цирк: охрана, проверки, телевидение, жильцы у входа. Если скажем, что человек установлен, все успокоятся, а ты спокойно проверишь свои нитки и кнопки.

— Нельзя успокаивать людей чужим задержанием.

— Его задержат на сорок восемь часов, не расстреляют. Если не подтвердится — отпустим.

— А если подтвердится только потому, что после задержания все начнут узнавать его ещё увереннее?

— Тогда задашь правильные вопросы.

— Я их уже задаю.

В дверь постучали. Секретарь просунула голову:

— Денис Викторович, Костин на второй линии.

— Соедини через минуту.

Грачёв дождался, пока дверь закроется.

— Привези Зорина. Проведи опознания. Если хотя бы двое покажут на него — готовь задержание. Это распоряжение.

— После того, как жильцам уже показали его фотографию в домовом чате?

— Кто показал?

— Пока не знаю. Лида Снегирёва сказала, что ночью появилась карточка из старого дела. К утру удалили.

Грачёв на мгновение опустил взгляд на фотографию.

— Не мы.

— Я не говорил, что вы.

— Тогда выясни. И не усложняй простое.

В коридоре Аркадий остановился у окна. Во дворе дворник сгребал мокрые листья в чёрный пакет. Ветер тут же вытаскивал два обратно. Дворник не сердился, просто наступал на край пакета ботинком и продолжал. За долгую службу Аркадий видел много начальников, которые называли такой труд неэффективным. Они предпочитали отчитаться, что двор очищен, пока ветер ещё не добрался до фотографии.

Он позвонил Савельеву.

— Где ты?

— В лаборатории. Нитку приняли, по проводу ворчат, что вопрос плохо поставлен.

— Потом найди, кто первым выложил фотографию Зорина в чат. Не пересланную, а исходное сообщение. И диспетчера доставки: встречался ли Зорин со Снегирёвым после жалобы и видел ли его вообще в лицо.

— А Зорин?

— Вызови на десять. Не доставляй. Пусть придёт сам.

— Грачёв уже звонил оперативникам. Они собирались ехать домой.

— Отмени. Он сейчас на смене и сам ответил. Запиши время. Если отключит телефон или не явится — будем решать.

Савельев помолчал.

— У нас задержание к совещанию?

— У Грачёва — да. У нас сначала разговор.

Зорин пришёл без десяти десять. На нём была серая толстовка, та самая, в которой его видели в кофейне, и дешёвая ветровка без белых полос. Он держал шлем под мышкой. У дежурной части вынул всё из карманов и разложил на подоконнике: телефон, ключи, смятые чеки, зажигалку, хотя сигарет не было.

— Это зачем? — спросил Аркадий.

— Чтобы потом не сказали, что выбросил по дороге.

— Вас вызвали для беседы.

— Я умею читать между словами.

— Тогда прочитайте точно. Вам позвонили, вы согласились и приехали сами. Это будет записано.

— А уйду сам?

— Сейчас не обещаю.

Зорин усмехнулся без веселья. В кабинете он сел не на ближайший стул, а напротив двери. Аркадий отметил это, но не стал придавать значения. Человек, которого однажды уже запирали, имел право видеть выход.

— Восемь лет назад вы ограбили мужчину у вокзала.

— Семь лет и десять месяцев назад. Отсидел два года и восемь месяцев. Освободился раньше. Судимость погашена. Я никого не бил ножом, если вам так рассказали.

— В приговоре написано, что вы толкнули потерпевшего и забрали сумку.

— Было. Не горжусь.

— Вы знали Андрея Снегирёва?

— Нет.

— Неделю назад он пожаловался на вашу доставку.

— На коробку. Я его лица не запомнил.

— Вам удержали шестьсот рублей.

— Пятьсот восемьдесят. Остальное вернули после фото. Коробку помяли на складе, но крайним был я.

— Вы выражали недовольство клиентом.

— Сказал диспетчеру, что некоторые думают, будто курьер коробку ногами до двери катит. Это неприязненные отношения?

— Вы пытались связаться со Снегирёвым после жалобы?

— У меня нет номера клиента после закрытия заказа. Приложение скрывает. И из-за пятисот восьмидесяти я людей не выслеживаю.

Аркадий положил перед ним снимок погибшего. Зорин посмотрел несколько секунд.

— Похож на того клиента. Но я видел его в дверном глазке на экране телефона. Может, и не он.

— Вчера вы его видели?

— Нет.

— Вы утверждали, что передали куртку Илье Кравцову.

— Не утверждал. Передал.

— Зачем?

— Он промок. У меня запасная толстовка была в коробе. Куртка служебная, её вечером на базу сдавать.

— Куртку утром нашли на лестнице парковки, без короба.

— Значит, спрашивайте Илью.

— Илья говорит, что отдал её мужчине из эксплуатации по имени Паша.

Зорин перестал тереть царапину на шлеме.

— Илья врёт. Я велел вернуть куртку на базу. Если отдал чужому, с меня вычтут.

— Вас сейчас только это беспокоит?

— Нет. Меня беспокоит, что вы нашли труп и мою куртку, а теперь спрашиваете про старое дело. Но за куртку всё равно вычтут. Одно другому не мешает.

Ответ был настолько бытовым, что мог показаться доказательством невиновности. Аркадий не позволил себе этой лёгкости. Виновные тоже боялись вычетов, опозданий и простывших детей. Правда редко отличалась красивым поведением.

— После двадцати двух двадцати девяти вы возвращались в комплекс?

— Нет.

— Телефон был с вами?

— В кофейне положил заряжаться у стойки. Минут на десять.

— Потом?

— Заказ в бизнес-центр, потом на Набережную, потом два адреса у вокзала.

В дверь постучали. Савельев вошёл с папкой. Диспетчер подтвердил: после жалобы Зорин со Снегирёвым не связывался, номер клиента получить не мог, заказ доставлялся не в «Речной парк», а на Береговую. В приложении сохранился маршрут до двадцати трёх десяти. Потом телефон курьера на двадцать две минуты исчез из сети.

— Батарея села? — спросил Аркадий.

— Режим полёта включил. Приложение зависло и съедало заряд. Перезапускал. Потом забыл выключить.

Грачёв назвал бы это окном. Двадцать две минуты без сети могли вместить короткую поездку, встречу, удар и возвращение только на бумаге. На карте расстояния не соглашались, но бумага не знала пробок, лестниц и времени на поиск пустой квартиры. Зато слова «скрывал местоположение» легко помещались в четвёртый лист.

— Где вы были?

— У вокзала. Ждал заказ в лапшичной.

— Камеры там есть?

— Есть. Только если они у вас тоже не записывают, я не удивлюсь.

Аркадий попросил Савельева немедленно забрать запись. Не позвонить и попросить сохранить, а приехать и скопировать при владельце. Савельев кивнул, но не вышел.

— Там ещё по чату. Первую фотографию выложили в семь двенадцать. Участник вошёл по одноразовой ссылке, имя «Безопасный дом» поставил сам. Администратор номер не видит. Ссылку публиковали на стойке и в лифтах. Файл — старая ориентировка из открытого архива, подпись обрезана.

Зорин побледнел.

— Мою фотографию уже раскидали по дому?

— Удалили, — сказал Савельев.

— Интернет тоже удалили? Значит, теперь любой скажет, что видел меня. А если не видел, вспомнит.

Аркадий подвинул протокол.

— Прочитайте каждую строку. Исправьте всё неточное.

— И уйду?

Телефон Аркадия завибрировал. Сообщение Грачёва состояло из двух слов: «Решение сейчас».

Аркадий положил телефон экраном вниз.

— После образцов и добровольного осмотра телефона сможете уйти.

— А если телефон не дам?

— Тоже сможете. Тогда обращусь за разрешением на изъятие, если найду основания.

Зорин посмотрел на него, потом на Савельева.

— Забирайте. Только распишите всё. Экран треснут до вас.

В телефоне были маршруты, переписка с Ильёй, фотографии помятых посылок, напоминание об алиментах и сообщение сестре: «Куртку отдал мелкому, домой поеду в сером». Оно отправлено в 22:35. В 23:21 Зорин написал Илье: «Сдашь форму сам, не потеряй». Ответа не получил. Ни одного сообщения Снегирёву, Ракитину или жильцам комплекса не было.

Когда Зорин ушёл, дежурный посмотрел на Аркадия с вопросом, но шлагбаум не стал поднимать. Аркадий сам нажал кнопку выпуска. Стеклянная дверь открылась, пропуская холодный воздух. Зорин обернулся, словно ожидал окрика, затем надел шлем и пошёл к мопеду.

Грачёв встретил Аркадия в коридоре.

— Ты его отпустил.

— Он не был задержан.

— Я дал распоряжение решить вопрос.

— Решил. Оснований недостаточно.

— Два свидетеля готовы опознать.

— После фотографии в чате их готовность ничего не стоит без проверки первоначальных показаний.

— Ты разваливаешь дело до предъявления.

— Я не даю ему развалиться после.

Грачёв взял его за локоть и отвёл к стене. Не сильно, но так, чтобы проходившая секретарь ускорила шаг.

— Костин уже доложил наверх, что подозреваемый установлен.

— Значит, поторопился.

— Нет. Это ты опоздал. В двенадцать будет письменный отчёт. Твоя фамилия стоит исполнителем.

— Поставь рядом, что я не поддержал задержание.

— Письменно дашь?

— Дам.

Грачёв отпустил его руку.

— Подумай. Одиннадцать месяцев — короткий срок. Но проверку можно вести дольше. У тебя старые дела, по каждому найдётся недостающая бумага.

— Это угроза?

— Совет. Не хочешь спокойно уйти — никто силой не отправит.

Аркадий впервые ясно понял, что быстрый отчёт нужен не только Костину. Грачёв тоже боялся оказаться человеком без ответа. Не убийцей, не заговорщиком, не продажным начальником из удобной истории. Просто молодым руководителем, который однажды выбрал красивую строку вместо трудного дела, а теперь должен был защищать выбор новыми строками.

— Пришли проект отчёта. Я внесу возражения.

— У тебя час.

— Хватит.

В кабинете Аркадий открыл чистый документ. Сначала написал: «Опознание Михаила Зорина очевидцами не проведено». Потом удалил и написал проще:

«Жильцы видели человека в куртке с белой полосой. Лицо ни один из них до появления фотографии независимо не описал».

Ниже:

«Запись фамилии сделал человек, не числившийся на смене. Время утром дописала другая женщина, отсутствовавшая за стойкой. Куртку после Зорина носили по меньшей мере ещё один, возможно два человека».

И последней строкой:

«Задержание Михаила Зорина до проверки перечисленных обстоятельств считаю необоснованным».

Он поставил дату, время и подпись. Система показала 11:47.

Через две минуты Грачёв прислал свой отчёт. В нём было написано, что Зорин установлен как лицо, проверяемое на причастность. Формально это ещё не означало виновность. Для начальства — означало движение. Для жильцов — имя. Для самого Зорина — фотографию, которую уже нельзя собрать обратно.

Аркадий прикрепил возражения, зарегистрировал их отдельно и открыл сообщение Маши. Внучка прислала снимок объявления о продаже дачи: «Дед, хозяева готовы ждать до вечера. Если берём, надо внести задаток».

Дача была его планом на пенсию. Маленький дом, четыре яблони, электричка в сорока минутах. Маша нашла его сама и две недели присылала фотографии крыльца, печки и заросшего участка. Аркадий обещал съездить сегодня после работы.

Он посмотрел на часы. Если Грачёв поднимет старые дела, свободных вечеров не останется. Могли не дать премию, перенести отпуск, устроить служебную проверку. Пенсию это не отменяло, но превращало одиннадцать месяцев в длинный коридор с закрытыми дверями.

Аркадий написал Маше: «Сегодня не успею. Если уйдёт — значит, не наша».

Ответ пришёл сразу: «Ты так про всё говоришь, что не успел выбрать».

Он не нашёл, что возразить.

Савельев вернулся в половине первого с записью из лапшичной. В 23:19 Зорин вошёл, снял шлем и сел у окна. Телефон лежал перед ним. В 23:47 ему отдали пакет, и он уехал. В «Речной парк» за это время он попасть не мог.

— Закрывает окно, — сказал Савельев.

— Одно окно.

— Для Грачёва хватит?

— Для Грачёва сейчас ничего не хватит. Отправь официально и приложи к возражениям.

— А что дальше?

Аркадий достал фотографию стойки. На блюдце возле чайника лежал высохший ломтик лимона. Тамара уверяла, что лимон не переносит из-за изжоги. Вера пила с лимоном утром и могла пить ночью. На полке стояли две кружки: тяжёлая белая с цветами и высокая стеклянная, обёрнутая салфеткой. Рядом виднелась банка растворимого кофе.

Люди могли договориться о словах. С привычками договаривались редко.

— Вернёмся к стойке, — сказал Аркадий. — Узнаем, кто пил чай, кто кофе и кто оставил после себя то, чего Тамара не замечает.

— А отчёт?

— Отчёт уже написан. Теперь займёмся делом.

Глава 6. Чай без лимона

К двум часам дня ломтик лимона на фотографии стал похож на улику только Аркадию. Савельев видел в нём мусор, эксперт — растительный остаток без смысла, а Грачёв, которому успели переслать запрос на повторный осмотр стойки, ответил одним вопросительным знаком.

Аркадий не стал объяснять. Если заранее назвать вещь важной, люди начинали либо беречь её, либо оправдывать. Иногда одинаково старательно.

В холле девятого корпуса пахло влажной резиной. У входа лежала новая дорожка, чёрная и ребристая, но вода всё равно собиралась у поворотной двери. За стойкой сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти в синем жилете. Он поднялся, когда увидел удостоверение, и тут же вытащил из уха наушник.

— Я дневной, — сообщил он. — Меня вчера не было. Мне сказали ничего не трогать, я ничего и не трогал.

На столе перед ним стояла кружка с футбольным мячом и лежал раскрытый пакет сушек.

— Кружка ваша? — спросил Аркадий.

— Моя. Из дома принёс. И сушки мои. Если надо, уберу.

— Не надо. Как вас зовут?

— Геннадий Костров. Я вообще в седьмом корпусе, сюда поставили временно. После этого всего никто из женщин выходить не хочет.

Он кивнул на стекло, за которым две пожилые жительницы делали вид, что читают объявление об отключении воды. Одна держала телефон камерой к стойке.

— Где вещи прежней смены?

— В тумбе. Как полиция велела. Я чайник только снаружи протёр, он липкий был. Внутрь не лазил.

Аркадий попросил Савельева включить запись осмотра. Они уже изымали журнал, фотографировали стол и брали нитку у скрытой кнопки, но в первый раз искали следы человека в куртке. Чужие чашки и пакетики сахара казались обстановкой. Теперь обстановка должна была заговорить отдельно от жильцов.

Геннадий вышел из-за стойки и встал у стены. Пространство там оказалось теснее, чем выглядело снаружи. Поворотный стул задевал дверцу нижней тумбы, провод чайника был прижат коробкой с квитанциями, а на полке над монитором помещались только две кружки. Белая фарфоровая с фиолетовыми цветами стояла ручкой вправо. Высокий стеклянный стакан был обёрнут бумажной салфеткой и поставлен ручкой влево.

— Почему салфетка? — спросил Савельев.

— Чтобы не обжечься, — сказал Геннадий. — Стекло тонкое.

— Вы им пользовались?

— Нет. Я со своим.

Аркадий надел перчатки. В белой кружке на дне остался коричневый ободок. Запах был слабый, кофейный. В стеклянной — мутная капля и две светлые крупинки, прилипшие к стенке. На блюдце лежала тёмная косточка, которую на фотографии приняли за чайную крошку. Высохший ломтик лимона нашли не там, а за электрическим чайником, на сложенной салфетке.

— В первый осмотр блюдце было справа, — заметил Савельев.

— Сейчас слева.

— Значит, двигали.

— Или фотографировали с другого угла и запомнили плохо. Сначала снимки.

Савельев открыл папку на планшете. На кадре, сделанном в семь двенадцать утра после обнаружения тела, белая кружка стояла возле журнала, стеклянная — у монитора, блюдце с

ломтиком было за чайником. На кадре после первого опроса кружки поменялись местами, а блюдце оказалось ближе к краю.

— Кто был за стойкой между снимками? — спросил Аркадий.

— Тамара приезжала, — ответил Савельев. — Потом Вера. По отдельности. Ещё управляющий два раза заходил, но мы его за стойку не пускали.

— А чайник кто протёр?

Геннадий поднял ладонь.

— Только сегодня. Мне диспетчер велел рабочее место принять. Я тряпкой снаружи. Блюдце не трогал. Оно уже слева было.

Аркадий осмотрел мусорное ведро под столом. Пакет был завязан и помечен полоской малярной ленты с датой. Первый оперативник проявил усердие не там, где требовалось: велел ничего не выбрасывать, но не изъял содержимое. Сверху лежали три бумажных стаканчика, смятый пакет из-под молока, кожура банана, две чайные этикетки на нитках, использованный пластырь и чек.

Чек оказался из круглосуточного магазина у второго корпуса. Покупка в 00:18: лимон, молоко девятьсот миллилитров, растворимый кофе в пакетиках, бананы, таблетки от изжоги.

— Хороший набор для человека, который не переносит лимон, — сказал Савельев.

— Может, покупали двое.

Аркадий расправил чек на прозрачном файле. Внизу стояли последние четыре цифры карты. На обороте синей ручкой было написано: «вернуть 463».

— Это не сумма покупки, — сказал Савельев. — Тут пятьсот двенадцать.

— Возможно, долг. Сфотографируй отдельно.

В одном стаканчике засохла кофейная пена, в другом на крышке остался сладкий липкий след. Третий пах только бумагой. На пакете молока чёрным маркером была проведена короткая черта чуть ниже горлышка.

— Зачем отмечать уровень? — спросил Савельев.

Геннадий пожал плечами.

— Чтобы не выпили. Тут всё общее только на словах. Молоко подпишешь — обидятся. Черту поставишь — вроде случайно.

— Кто так делает?

— Тамара Петровна. Она ещё сахар пересчитывает. Не потому что жалко, а потому что порядок.

— Уверены?

— Я с ней в седьмом корпусе подменялся. Она утром пакет ставит, черту рисует. Вечером смотрит. Если ушло много, говорит, что охрана опять хозяйничала.

Савельев посмотрел на чек.

— Значит, Тамара всё-таки приезжала ночью.

— Пока значит только, что её привычку знали, — сказал Аркадий.

Он не хотел строить вторую готовую версию из предметов, едва разобрав первую. Чужую черту можно повторить. Чужую кружку — взять. Даже таблетки от изжоги могли купить для человека, который в эту ночь оставался дома.

Они упаковали чек, стаканчики, пакет молока, обе кружки, ломтик и чайные этикетки. На дне ведра нашёлся прозрачный пакет из аптеки с наклейкой времени — 19:48 — и фамилией Климова. Внутри лежала инструкция от жаропонижающего, но самой коробки не было.

— Это уже Тамара? — спросил Савельев.

— Фамилия общая. Имя на наклейке?

Он протёр прозрачный край пакета салфеткой, не касаясь поверхности. Мелкая печать гласила: «Климова В. А.»

Вера.

Аркадий положил пакет в отдельный файл.

— Она говорила, что заступила в двадцать шестнадцать, потому что матери стало плохо. Аптеку могла посетить перед этим. Вопрос — когда пакет оказался здесь.

— И кто в полночь покупал продукты.

— Сначала узнаем, как покупал.

Магазин находился в стеклянной пристройке между вторым и третьим корпусами. До девятого от него было пять минут быстрым шагом, если калитка у парковки открыта, и почти двенадцать, если обходить забор. Продавщица Надежда сначала сказала, что за ночь видит сотню людей и никого не помнит. Потом Савельев показал не лица, а перечень покупки.

— Лимон один, молоко, бананы, кофе в пакетиках и таблетки от изжоги, — прочитал он. — Ноль часов восемнадцать минут.

Надежда нахмурилась.

— Таблетки у нас не продаются. Это леденцы мятные, в кассе так забиты. Хозяйка обещала исправить.

— Покупателя помните?

— Если по чеку, посмотрим камеру. У нас пишет.

Последние слова она произнесла с гордостью человека, чей магазин оказался технически надёжнее нового жилого комплекса. Запись хранилась на маленьком регистраторе под кассой. В 00:16 в магазин вошла Вера Климова. На ней была длинная тёмная куртка без служебного жилета. Она говорила по телефону, взяла корзинку, положила молоко, два банана и кофе. У ящика с фруктами выбрала один лимон, покатала его ладонью и вернулась за вторым. На кассе второй лимон отложила.

— Звук есть? — спросил Аркадий.

— Нет. Только изображение.

Вера расплатилась картой, получила чек и вышла через боковую дверь в сторону парковки. В правой руке у неё был магазинный пакет, в левой — телефон. В 00:22 она появилась на второй камере у калитки. Калитка не открылась с первого раза. Вера позвонила кому-то, подождала, потом створка щёлкнула изнутри. В кадре не было видно, кто нажал кнопку.

— От стойки можно открыть? — спросил Савельев.

— Можно, — ответила Надежда. — Нам так курьеров запускают после одиннадцати.

— Сколько идти до девятого корпуса?

— Минуты три через двор.

Аркадий попросил копию записи от полуночи до половины первого и чек контрольной ленты. Последние цифры карты совпали. В 00:18 Вера была не за стойкой. Кто-то оставался в холле или по крайней мере следил за звонком калитки и открыл ей.

— Тамара? — спросил Савельев уже на улице.

— Не торопись.

— Но Вера сама признала, что мать утром приехала и время дописала. Могла приехать раньше.

— Могла. Тогда зачем обе скрывают точное время?

Дождь усилился. Они встали под козырьком магазина. Напротив, за мокрыми молодыми деревьями, светился девятый корпус. Расстояние казалось маленьким, пока не замечал заборы, калитки и длинные дорожки, проложенные так, чтобы человек прошёл мимо вывесок арендаторов.

Аркадий набрал Веру.

— Вы где?

— На работе.

— Вчера говорили, что взяли отгул.

— Вчера. Сегодня вышла. Что случилось?

— В полночь вы покупали лимон и молоко. Кто оставался за стойкой?

В трубке стало тихо. Не совсем: слышались гудение вентиляции и далёкий голос, называвший номер заказа.

— Я ненадолго выходила.

— Кто открыл вам калитку в ноль двадцать две?

— Она сама иногда срабатывает.

— На записи видно, что вы позвонили. После звонка замок открыли.

— Значит, охрана.

— Какой пост?

— Не знаю. Общий.

— Вы набрали номер из телефона. Общий пост у вас записан?

— Наверное.

— Не стирайте журнал вызовов. Сегодня мы его осмотрим.

— Я не обязана отдавать телефон.

— Не обязаны. Можете показать один звонок добровольно. Если не покажете, я проверю номер другим способом.

Вера выдохнула в микрофон.

— Я позвонила маме.

— Тамара Петровна была за стойкой?

— Нет. Дома. Она могла открыть через приложение.

Аркадий посмотрел на стеклянную дверь магазина. В отражении Савельев уже записывал время разговора.

— Вчера вы сказали, что у вашей матери кнопочный телефон.

— Есть ещё планшет.

— Как называется приложение?

— Я не помню. Домофонное.

— Тогда не подсказывайте ей название до нашего приезда. Мы проверим планшет.

— Вы из-за лимона собираетесь обыскивать квартиру больного человека?

— Из-за того, что в холле в важное время был ещё кто-то. А лимон помог это увидеть.

— Никого не было. Я попросила маму открыть удалённо.

— Вера Андреевна, ваша мать утром назвала домофон бесполезной дорогой игрушкой и сказала, что даже квитанции за него не понимает. Если она научилась открывать калитку с планшета, это легко подтвердится.

Вера закончила разговор, не попрощавшись.

— Поедем к Тамаре? — спросил Савельев.

— Сначала в диспетчерскую. Удалённое открытие должно оставить запись.

Диспетчерская занимала комнату в цоколе первого корпуса. На стене висели девять мониторов, но оператор смотрел только в один, где шлагбаум прижимал к земле пустой пакет. Старший смены Корнеев встретил их без радости. Со вчерашнего утра у него изъяли копии журнала домофона, опросили сотрудников и потребовали объяснить отсутствие видеоархива. Теперь всякий новый вопрос он воспринимал как счёт, который выпишут лично ему.

— Через приложение калитку открыть можно, — сказал он. — Если квартира подключена и собственник подтвердил номер телефона.

— Климовы живут здесь?

— Нет. Тамара Петровна снимает комнату в старом районе. В комплексе у неё нет квартиры.

— Служебный доступ?

— Только с панели за стойкой. Мобильного нет. Мы его консьержам не выдаём, иначе открывали бы из автобуса.

— Общий пост охраны мог открыть после звонка?

Корнеев развернул журнал. В 00:22:11 калитку у парковки открыли с панели девятого корпуса. Не с телефона, не из диспетчерской. Нажатие было коротким и точным, как в 23:43, когда открылась курьерская дверь.

— Номер кнопки тот же? — спросил Аркадий.

— Нет. Калитка на третьей, курьерская дверь на пятой. Но панель одна.

— Значит, в ноль двадцать две за стойкой был человек.

— Или кто-то вошёл за стойку, нажал и вышел, — сказал Корнеев. — Там нет замка.

— На живой камере видно стойку?

— Только вход. Рабочее место в слепой зоне, чтобы сотрудников не снимать постоянно. Так просил профсоюз подрядчика.

Аркадий запомнил не оправдание, а возможность. Человек мог войти в холл, оказаться за стойкой, открыть Вере калитку и уйти. Но входная камера не писала, а свидетели смотрели на белую полосу и на собственные телефоны.

— Кто знал, какая кнопка открывает калитку?

— Любой дежурный. Охрана. Эксплуатация. На панели подписи.

— Ракитин?

Корнеев чуть задержался с ответом.

— Павел Игоревич руководит эксплуатацией. Конечно, знает.

— Это не означает, что он нажимал, — сказал Аркадий, прежде чем Савельев успел записать вывод вместо факта. — Дайте заверенную выгрузку с двадцати трёх пятидесяти до ноля тридцати и перечень служебных номеров, с которых могли звонить на панель.

— На панель звонить нельзя. Только на телефон дежурного, если он указан на бумажке.

— Какая бумажка?

Корнеев отвёл их обратно в холл. Под столешницей, куда не падал взгляд посетителя, клейкой лентой был прикреплён лист с телефонами: диспетчер, аварийная служба, охрана, Тамара Петровна. Последняя строка была написана от руки: «дежурный 8 921…» Номер принадлежал Вере.

— Она оставила, когда мать начала подменять, — сказал Корнеев и сразу понял, что сказал лишнее.

— Когда мать начала кого подменять?

— Я не так выразился. Когда Вера иногда приходила помочь.

— Как часто?

— Не знаю. Я не составляю график.

— Кто составляет?

— Подрядчик «Уют-сервис».

— А кто согласовывает людей на объекте?

— Ракитин подписывает список допуска. Но родственников туда не вносят. Это всё было по-человечески: Тамаре тяжело, дочь приносила еду, могла посидеть полчаса.

Аркадий сфотографировал лист. Номер Веры был написан тем же синим цветом, что её запись фамилии Зорина в журнале, но это ничего не доказывало: ручка лежала на стойке для всех. Важнее было другое. Вера не просто случайно спасла заболевшую мать одну ночь. Её присутствие здесь знали и считали привычным. Подмена могла быть устроена заранее, а человек, пришедший к пустой квартире, мог знать, кто откроет.

Геннадий ждал у лифта. Увидев Корнеева, он поманил Аркадия двумя пальцами.

— Я вспомнил про чай, — сказал он тихо. — Тамара Петровна лимон не берёт. Она пьёт кофе с молоком, но только из белой чашки. Стеклянная — Верина. Вера в неё чай делает, лимон давит ложкой. Поэтому семечки на блюдце.

— Вы видели это здесь?

— Много раз. Она по утрам мать меняет, когда та после ночи домой собирается. Минут на двадцать. Иногда вечером приносит еду.

— Почему утром сказали, что не знаете, кто пользовался стаканом?

Геннадий посмотрел на Корнеева, стоявшего у панели.

— Потому что мне ещё работать. Тут все всё знают, пока полиция не спросит. А потом оказывается, что подрядчик людей без оформления пускал, эксплуатация принимала, охрана не замечала. Крайним делают того, кто видел кружку.

— Нам нужна не кружка, а точное время. Вы в ту ночь сюда заходили?

— Нет. Я был в седьмом до восьми утра. Можете журнал посмотреть.

— Кто мог сменить Веру, пока она ходила в магазин?

— Тамара, если приехала. Или охранник. Или кто-нибудь из эксплуатации. Они за стойку заходят как к себе. Ключи берут, отвёртку, зарядку.

— Ракитин заходил?

— Я не видел.

— Не спрашиваю, кого удобно назвать. Спрашиваю, что вы знаете.

— Знаю, что в половине первого Вера позвонила мне насчёт смены.

Аркадий перестал застёгивать папку.

— Вам?

— Да. Спросила, кто может приехать до утра. Я сказал, что не могу уйти из седьмого. Она нервная была. Сказала: «Мама всё равно приедет, но позже». Я спросил, что случилось. Она ответила: «Ничего, просто одной нехорошо».

— В котором часу?

— Около половины первого. Телефон покажу.

В журнале вызовов Геннадия стояло 00:27, входящий от Веры, продолжительность сорок одна секунда. Это было через пять минут после открытия калитки. Если Тамара ещё только собиралась приехать, она не могла нажать кнопку за стойкой. Если Вера говорила правду о словах «мама всё равно приедет, но позже», за панелью находился третий человек.

— Почему вы раньше об этом не сказали?

— Вы раньше не спрашивали, звонила ли мне Вера. Спрашивали, видел ли я курьера в белой полосе.

Ответ был неприятно справедливым.

Аркадий записал показание дословно, дал Геннадию прочитать и попросил не обсуждать разговор с коллегами. Тот усмехнулся.

— После вашей машины у входа весь дом уже обсуждает, сколько кружек у консьержа.

Вера работала администратором в пункте выдачи на другом конце района. К их приезду очередь тянулась до двери. Вера выдавала коробки быстро, не глядя на наклейки дольше секунды. Увидев Аркадия, она ошиблась ячейкой, захлопнула дверцу и попросила сменщицу подойти к стойке.

Они вышли в подсобную комнату между стеллажами. Там пахло картоном и дешёвым освежителем воздуха. Вера скрестила руки.

— Планшета у мамы нет, — сказала она до первого вопроса. — Я придумала.

— Это мы установили.

— Я сама открыла калитку. Панель иногда с задержкой срабатывает. Нажала перед выходом, обошла дом, сходила в магазин, вернулась — и она открылась.

— Через шестнадцать минут?

— Может, кто-то выходил.

— На записи створка открывается после вашего звонка. С панели нажали в ноль двадцать две. В ноль двадцать семь вы сказали Геннадию, что Тамара приедет позже.

Вера прижала локти к бокам. Аркадий видел, как она перебирает объяснения, будто коробки в ячейках: одно слишком большое, другое уже занято, третье не закрывается.

— Кто был за стойкой? — спросил он.

— Никто.

— Тогда кто открыл?

— Не знаю.

— Вы позвонили этому человеку.

— Я позвонила на мамин номер. Она не ответила.

— Покажите журнал.

Вера вынула телефон, но экран не разблокировала.

— Если там другой номер, вы решите, что я убийцу покрываю.

— Я решу только, что вы солгали о номере. Всё остальное придётся доказывать отдельно.

— А если я не покажу?

— Получим детализацию в установленном порядке. Это займёт время, но номер не изменится.

— Там ничего нет. Я почистила вызовы утром, потому что испугалась.

— Чего?

— Что мама потеряет работу.

— Ради этого вы удалили один звонок после того, как в доме погиб человек?

— Не один. Все ночные. Я не выбирала.

Аркадий помолчал. За стеной автоматический голос сообщил покупателю, что срок хранения заказа истекает через два дня. Вера смотрела на пол, где вдоль плинтуса лежала тонкая полоска упаковочной бумаги.

— Лимон был ваш, — сказал он.

— Мой.

— Кофе и молоко?

— Маме. Она всё-таки приехала около часа. У неё давление упало, кофе помогает.

— Вчера вы сказали, что она была дома до пяти сорока.

— Я сказала, что она сменила меня в пять сорок.

— Нет. Вы сказали: «Мама приехала к утру, без двадцати шесть». Это записано.

Вера подняла голову.

— Ну приехала раньше. Посидела в комнате охраны. Ей было стыдно показываться за стойкой после подмены.

— В какой комнате?

— В первом корпусе.

— Корнеев говорит, ночью её там не было.

— Он всех не видит.

— Вера Андреевна, каждое новое объяснение требует ещё одного человека, который чего-то не заметил. Калитка открылась сама. Мать управляла приложением, которого у неё нет. Потом она приехала, но сидела в комнате, где её не видели. А за стойкой никого не было, хотя панелью пользовались.

— Вы хотите, чтобы я назвала имя.

— Я хочу понять, кто дежурил в доме, когда погиб Снегирёв.

— Я дежурила.

— Не всё время.

Вера провела ладонью по лицу. На правом запястье у неё осталась тонкая красная полоса от резинки.

— В магазин я вышла на десять минут.

— На четырнадцать минимум. До этого в двадцать три сорок три кто-то открыл курьерскую дверь. Вы это отрицаете. После магазина кто-то открыл вам калитку. В двадцать семь минут вы искали замену и сказали, что одной нехорошо. Кому?

— Мне.

— Почему?

— Устала.

— Из-за усталости стирают звонки и придумывают планшет?

— Из-за того, что вы из любого звонка сделаете соучастие.

— Пока соучастие делаете вы. Своими ответами.

Она резко отвернулась к стеллажу. На верхней полке лежала коробка с нарисованным детским самокатом. Вера поправила её, хотя коробка стояла ровно.

— Я скажу всё, — произнесла она. — Но не сегодня.

— Смерть уже случилась. Для неё позднее время не станет удобнее.

— Мне надо сначала поговорить с мамой.

— О чём договориться?

— Не договориться. Объяснить.

— Вы уже объясняли ей утром, какое время поставить в журнале?

Вера обернулась так быстро, что задела коробку. Аркадий поймал её прежде, чем она упала.

— Время мама написала сама, — сказала Вера.

— Откуда она его взяла?

— Посмотрела историю домофона.

— В истории нет фамилии Зорина. Только открытие курьерской двери в двадцать два двадцать одну.

— Значит, по чеку доставки.

— Чек был у получательницы в седьмом корпусе. Тамара его не видела.

Вера снова замолчала. Теперь Аркадий знал, что время появилось не случайно и не по памяти. Кто-то дал Тамаре цифры, которые должны были связать фамилию с курткой. Ошибка в семь минут возникла потому, что автор смотрел не на фактическое открытие двери или часы над стойкой, а на другой источник.

— Сегодня до конца смены вы останетесь доступны, — сказал он. — Телефон не меняйте и данные не удаляйте. С матерью можете говорить о её здоровье и работе. Об обстоятельствах ночи — не надо. Мы опросим её отдельно.

— Вы не можете запретить мне разговаривать с мамой.

— Не могу. Поэтому прошу и предупреждаю: согласованные показания видны не хуже несогласованных.

У двери Вера остановила его.

— Тот человек не приходил убивать.

Аркадий не повернулся сразу.

— Какой человек?

— Я ничего не сказала.

— Сказали достаточно, чтобы записать дословно.

Она побледнела.

— Это не признание.

— Нет. Это причина не откладывать следующий разговор.

На улице Савельев спросил:

— Будем вызывать сейчас?

— Вызовем завтра утром официально. Сегодня проверим Тамару без Веры и установим, когда она действительно приехала.

— А если они договорятся?

— Они уже договорились. Наша работа — найти, где договор не совпал с вещами.

К вечеру у них было четыре времени. В 00:16 Вера вошла в магазин. В 00:22 кто-то за стойкой открыл ей калитку. В 00:27 она позвонила Геннадию и сказала, что Тамара приедет позже. В 01:06 транспортная карта Тамары сработала в автобусе на остановке у старого рынка. Автобус шёл к «Речному парку» двадцать восемь минут.

Последнее установил Савельев по её добровольно названному маршруту и данным перевозчика. Тамара не могла быть в холле ни в полночь, ни в половине первого. В комплекс она приехала не раньше без двадцати двух два.

Аркадий разложил распечатки на столе. Между уходом Веры и приездом Тамары оставался человек без имени. Он умел пользоваться панелью, чувствовал себя за стойкой свободно и, вероятно, знал, что камеры показывают, но не сохраняют. Вера позвонила ему из магазина. Потом стёрла вызов. А утром её мать вписала время, которое превращало куртку Зорина в алиби для того, кто носил её позже.

Савельев поставил рядом два прозрачных пакета. В одном лежал высохший лимон, в другом — чек.

— Если бы Геннадий выбросил мусор, у нас ничего бы не было.

— Был бы журнал панели.

— Мы вчера смотрели его и не заметили полночь. Искали двадцать три сорок три.

— Тогда остался бы звонок Геннадию.

— О нём он сказал только из-за чая.

Аркадий снял очки и протёр переносицу. Следствие любило прямые линии только в отчётах. В жизни лимон вёл к чеку, чек — к калитке, калитка — к кнопке, кнопка — к человеку, которого пока не было ни в одном протоколе. Если выдернуть одно звено, линия не исчезала, но становилась труднее.

На экране появилось сообщение Грачёва: «По Зорину решение пересматривать не буду. Завтра в 9 доклад».

Аркадий переслал ему выгрузку панели и четыре времени без комментария. Через минуту Грачёв позвонил.

— Что это должно доказать?

— Что Вера уходила, Тамара ещё не приехала, а панелью пользовались.

— Любой жилец мог зайти за стойку.

— Мог. Проверим.

— И как это оправдывает Зорина?

— Его оправдывает запись лапшичной. А это устанавливает ещё одного участника ночи.

— Участника чего? Открытия калитки?

— Пока да.

— Тогда не строй из лимона убийцу.

— Не строю. Убийцу из куртки тоже не надо.

Грачёв отключился.

Аркадий внёс в план завтрашнего опроса один вопрос: кто пил чай с лимоном. Затем зачеркнул. Теперь это было известно и почти неважно. Важным стал чай без лимона — кофе Тамары, который купили заранее для её позднего приезда. Вера знала, что мать приедет не сразу. Значит, у стойки она оставила не случайного жильца, зашедшего нажать кнопку, а человека, с которым рассчитывала переждать часть смены.

Он записал точнее: «Кому Вера доверила стойку в 00:16–00:22 и почему считала его присутствие безопасным?»

Рядом Савельев составлял перечень сотрудников эксплуатации, охраны и подрядчика, имевших привычный доступ за стол. Вверху стояла фамилия Ракитина. Аркадий попросил не выделять её маркером.

— Почему? — спросил Савельев. — Он знает кнопки, его назвал Илья, у него конфликт со Снегирёвым.

— Поэтому особенно нельзя. Если подсветим фамилию сейчас, остальные станут фоном. А нам нужен человек, который действительно был здесь, не тот, который лучше помещается в нашу версию.

Он убрал лимон и чек в сейф. На фотографии пустая стойка снова казалась обычной: чайник, две кружки, монитор, бумажки под прозрачным ковриком. Но теперь пустой она не была. Между двумя сменами там сидел кто-то третий, и ложное алиби впервые перестало принадлежать Зорину.

Глава 7. Подпись в клетке

Журнал консьержа лежал под стеклом, и от этого выглядел важнее, чем был.

Эксперт Чернова поставила лампу сбоку, поправила лист двумя пинцетами и попросила Аркадия не дышать над столом. В её кабинете всё было старше приборов: шкафы с потёртыми ручками, зелёная штора, линолеум с тёмной дорожкой от двери. Только камера над столом двигалась бесшумно и показывала на мониторе бумажные волокна размером с провода.

— Сразу договоримся, — сказала Чернова. — Я не скажу вам, что эту цифру написали ровно в семь утра. Бумага не часы. Могу определить разный краситель, иной пишущий узел, последовательность пересекающихся штрихов, иногда — относительную давность. Если хотите дату до минуты, обращайтесь к свидетелям или к волшебникам.

— Волшебники уже составили отчёт, — ответил Аркадий. — Поэтому пришёл к вам.

Чернова не улыбнулась, но подвинула ему стул.

Строка занимала две клетки. В левой было написано «Зорин М.», в правой — «22:14». Фамилия тянулась вверх, последняя буква почти касалась границы. Время выглядело аккуратнее. Две двойки стояли одинаково, единица была с длинной верхней чертой, четвёрка — открытая.

— Даже без прибора видно, что писали разные люди, — сказал Савельев.

— Без прибора видно, что почерк различается, — поправила Чернова. — Один человек тоже пишет цифры и буквы по-разному. Особенно если торопится. Особенно стоя. Особенно чужой ручкой. В заключении слово «видно» дорого стоит.

Она включила боковой свет. Синие буквы стали почти чёрными, а цифры отлили бурым.

— Красители разные. Фамилия — масляная паста синего цвета. Время — чернильная паста тёмно-синего цвета. Ручки точно разные по составу. По исполнителю будем сравнивать с образцами.

Тамара и Вера добровольно написали по пять страниц: фамилии жильцов, числа, время с минутами, короткие фразы из журнала. Чернова разложила копии рядом.

У Веры буква «р» проваливалась ниже строки, «н» была узкой, точка после инициала стояла близко. У Тамары двойка начиналась маленькой петлёй, единица имела длинный козырёк, четвёрка оставалась открытой. Аркадий мог бы назвать сходство сам, но ждал.

— Предварительно, буквенная запись выполнена Климовой Верой Андреевной, цифровая — Климовой Тамарой Петровной, — произнесла Чернова. — Категоричность дам после полного сравнения. У обеих достаточно устойчивых признаков.

— Последовательность?

— Вот здесь интереснее.

Она увеличила правую границу фамилии. Последний штрих буквы «н» заходил в клетку времени. Поверх него проходил нижний хвост первой двойки.

— Цифры нанесли после фамилии. Не одновременно одним движением. Между ними могло пройти пять секунд, а могло пять часов. Но порядок такой: сначала имя, потом время.

— Можно понять, лист лежал в журнале или отдельно? — спросил Аркадий.

— По вдавленным следам попробуем.

Чернова сняла страницу и положила под прозрачную плёнку. На следующем листе проступали не видимые глазу бороздки. Прибор менял свет, и на экране возникали серые линии: обрывки фамилий, номера квартир, цифры.

— Когда пишут на верхнем листе, ручка давит на нижние. Если потом верхний лист вырвали, след остаётся. Здесь листы целы, но можно проверить, какие записи соседствуют по нажиму.

Под строкой Зорина проступило «916» и начало слова «откр». Этих знаков на самой странице не было.

— Что это? — спросил Савельев.

— Запись с листка, который лежал сверху, — сказала Чернова. — Вероятно, писали на отдельной бумаге, положив её на открытый журнал. Нажим сильный. «916», дальше похоже на «откр…». Ниже время, но первая цифра не читается.

Аркадий вспомнил бумажки под прозрачным ковриком стойки. При первом осмотре их просмотрели на месте: телефоны, график уборки, номер аварийной службы, памятка о посылках. Отдельного листка с квартирой 916 не изъяли.

— Этот след пересекается со строкой Зорина?

Чернова переместила свет.

— Запись на отдельном листке сделана, когда журнал был открыт на этой странице. Относительно фамилии по одному нажиму порядок не определю. Но цифры времени в строке проходят по уже существовавшей борозде от «916». Значит, листок писали до времени.

— А фамилия?

— Её штрих пересекает одну борозду иначе. Нужна серия снимков. Предварительно фамилия могла быть раньше листка, листок раньше времени.

Получалась простая последовательность: Вера внесла фамилию. Потом кто-то положил на журнал бумагу и записал квартиру 916 с указанием открыть. Потом Тамара дописала 22:14. Между каждым действием могло пройти несколько минут или несколько часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.